

к. 2.17

Тяковлева

Почему танцуют
журавли

08

Т. Яковлева

Почему танцуют журавли

568436

Детская ЦСБ
Централизованная
библиотечная система
г. Новокузнецк

г. Новокузнецк

2005 г.

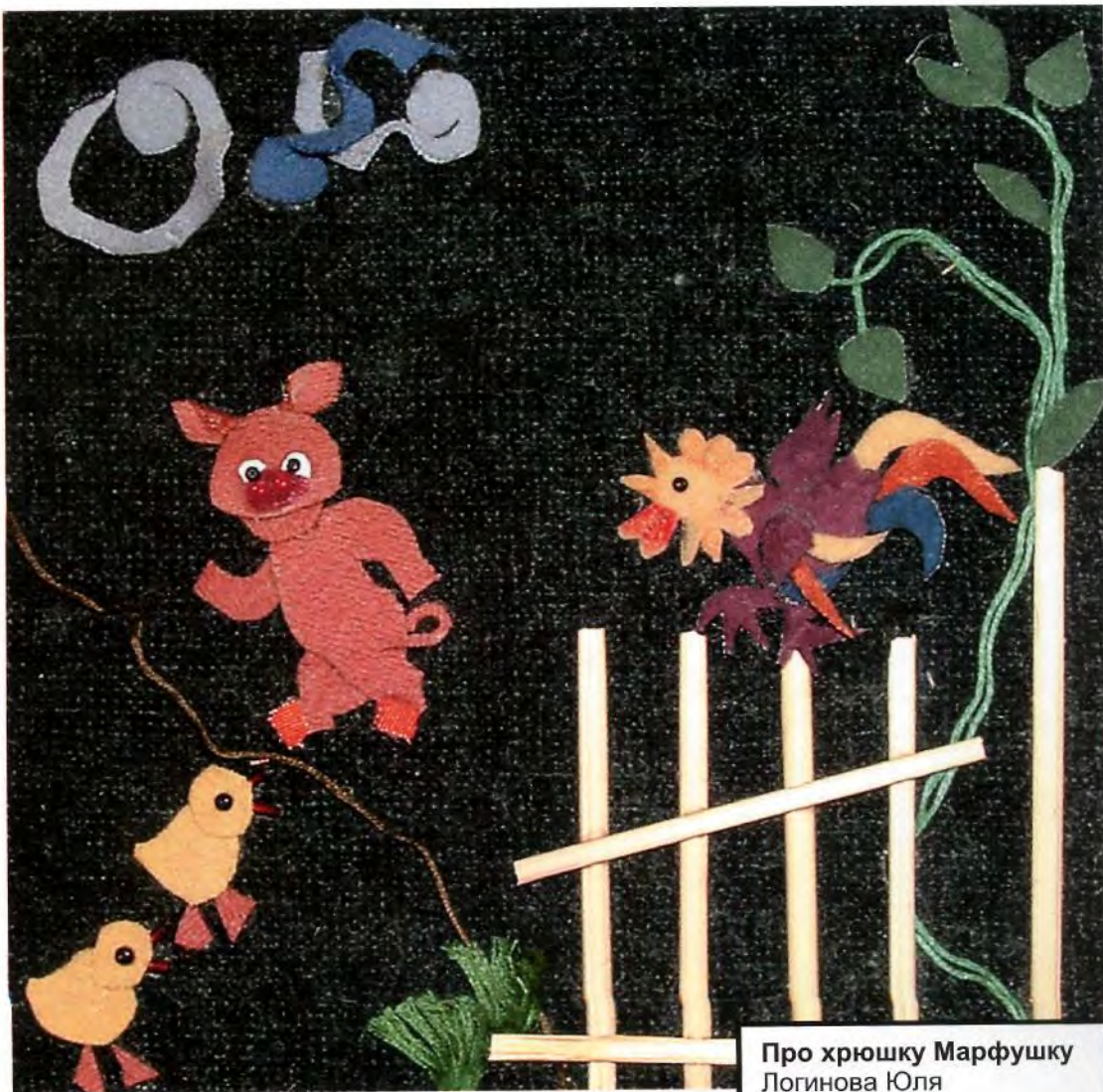
Это уже вторая книжка сказок, которые написала Татьяна Константиновна Яковлева, а разрисовала Альбертина Фёдоровна Фомченко. Первая книжка вышла в 2004 году и называлась «Сказки бабушки Татьяны». Среди детей с ограниченными физическими возможностями был проведён фестиваль-конкурс на лучшую раскраску или произведение прикладного творчества по мотивам сказок. Во всех городах и поселках Кузбасса дети рисовали, лепили, вязали, вышивали. Затем устраивались настоящие праздники сказки с представлениями инсценировок по их мотивам. Авторы лучших из лучших работ были приглашены на губернаторский прием, где им вручили награды и подарки.

Для этой книжки мы выбрали всего лишь несколько работ, хотя каждая поделка— настоящее произведение искусства, но все они просто не вместились бы в формат книжки. Но это же не беда. Главное, сами ребята испытали свои способности.

Надеемся, что маленькие читатели и этого сборника покажут свои таланты в художественном оформлении сказок. А взрослые, конечно же, им помогут. Может, у кого-то получится и своя сказка.

“О материнском сердце”
Ярославцева Мария
г. Новокузнецк

Про хрюшку Марфушку
Логинова Юля
Эбель Даша
Костылев Алеша

Дорогие девчонки и мальчишки!

И я когда-то была такой же, как вы. И я очень любила читать сказки. И ещё любила придумывать их и рассказывать подружкам. Все мои сказки были добрыми и заканчивались очень хорошо.

Время шло. Я стала взрослой. Не всё было замечательно в моей жизни, но сказки очень помогли мне.

И вот я уже Бабушка. Я начала записывать свои сказки для внучек и для вас, мои маленькие друзья.

Любите сказки! Читайте сказки! Придумывайте сказки!

Бабушка Татьяна.

**Сочинили сказки-были,
А раскрасить их забыли.
Дети, вы берите краски—
Ведь картинки для раскраски.**

Бабушка Алла.

Про шуршиков

Осень, сказочная птица, снова в окна к нам стучится, и опять печальный вечер выплывает ей навстречу. Потихонечку темнеет. Сказка приходи скорее!

В старом парке, притихшем парке разожгла Осень костер свой нежаркий. На одном дереве листья—золотые ладошки, на другом—красные, на третьем—всего понемножку. И светло, и празднично—просто диво. Так бы Осень из парка и не уходила. А Зима на лапах холодных крадётся и над Осенью потихоньку смеётся.

—Застужу, заморожу твою красоту! Ветры хмурые листья с деревьев сметут. Нагоню я скоро снежные тучи—опадёт красота в безобразные кучи.

Стали плакать деревья, роняя листья-ладошки, устилая золотом траву и дорожки. Полежат листочки—и зашуршат, зашуршат, словно гномы-малютки их ворошат.

В старом парке, волшебном парке уронила Малышка свой мячик яркий. Топ-топ-топ затопали ножки к куче листиков у дорожки. Присела девочка, к мячику наклонилась—а листики вдруг зашуршали, зашевелились. Мелькнули в них весело желтая рубашка, красная шапочка, забавная мордашка.

—Ой, кто ты?—прошептала Малышка.—Вроде бы человечек, да маленький слишком.

—Я шуршик!—прошелестел человечек.—Я очень рад неожиданной встрече. Не бойся, Малышка, я тебя не обижу. Всех злых и противных я сам ненавижу.

—Ты маленький и добрый, и значит, ты не возьмёшь мой красивый мячик.

—Ты что, шутишь?—прошелестел шуршик.—Да я его к тебе подкачу лучше.

Взяла Малышка мячик, а уходить не хочется, не хочется ни играть, ни к маме ворочаться.

—Шуршик, я не хочу бегать по дорожке. Давай с тобой поговорим немножко. Кто ты такой? Зачем? Почему? Хочешь, тебя я на ручки возьму?

—Что ты, что ты!—шуршик перепугался и поглубже в кучу листьев забрался.

—Ну тогда мне к тебе можно? Я на коленках подползу осторожно.

Шуршик вздохнул:

—Не стоит, крошка. Встань-ка лучше на ножки и листик желтый возьми в ладошки. К глазам подноси его ближе и ближе...

—И что случится?

—Сама увидишь.

Подносит послушно Малышка листок в ладошках, а он делается всё больше и больше. Стал огромный такой, аж все вокруг пожелтело, завертелось, куда-то полетело. Голова закружилась, закрыла глаза Малышка, а когда открыла—рядом стоит мальчишка, желтая рубашка, красная шапочка, забавная мордашка.

—Как ты вырос! Красивый, как на картинке.

—Я не вырос, это ты стала маленькой, как шуршилка. Дай мне руку, пойдём под землю со мною, я великую тайну тебе открою.

—А там не страшно?—спросила Малышка, все глубже и глубже зарываясь в листья.

...В старом парке, в печальном парке Чёрный Ворон тревожно закаркал. Ищет, ищет Малышку мама, а та все дальше уходит упрямо, золотым коридором под землю все глубже. Великая тайна ей голову кружит.

В огромной пещере—шуршащие стены. Они из листьев осенних, наверное. Шуршащие стулья—двигай не двигай, на шуршащих столах—шуршащие книги. За столами шурши сидят с умным видом. А на полу шуршики и шуршилки играют в листики и дразнилки. Увидели девочку—испугались, под столы к папам и мамам забрались. А те все чи-

тают с умным видом, ничего не слышат, ничего не видят.

Шуршик всё дальше уводит Малышку, в маленькой дверце отодвигает задвижку, ведёт коридором, узким и тёмным, и вот они в комнате перед шуршем огромным.

—Поклон тебе низкий, Мудрый Шуршило!

—Здравствуй, пра-пра-пра-правнучек! Где это тебя носило?—И вдруг закричал голосом удивительно тонким:

—Зачем ты привёл к нам эту девчонку? Нашёл у людей её? Только не лги! Ты знаешь, что люди—наши враги.

—Дедуля, послушай меня хоть немножко. Она человек, но право же, крошка. Ты можешь ей все говорить без опаски.

—А если расскажет?

—Подумают—сказка.

Надолго задумался Мудрый Шуршило. В голове у него зашуршало, зашеборшило.

—Ну, ладно. Садитесь ко мне поближе. Дайте мне самую толстую из книжек. Слушай, Малышка, как это было.

...На далёкой планете солнце печально всходило. Не на радость всходило оно, а на горе: громадный дракон Сток поселился в море. У дракона Стока голов не счесть, и в каждой зубастой пасти своя отравка есть. Но шурши—весёлый, беспечный народ. «А!—думают,—пусть себе живет!» Отравой стала вода на планете. Первыми заболели маленькие дети. Тут уж шурши решили со Стоком сразиться. Да надо же было другой беде приключиться: в небе появился еще один дракон—Глот, воздух глотает, растёт и растёт. Задыхаясь, построили шурши ракеты и улетели на другие планеты.

—Так мы на Земле очутились, Малышка,—сказал Мудрый Шуршило, закрывая книжку.—Но Земля оказалась недоброй планетой—люди свою доброту потеряли где-то. Убивают птиц и собак, и кошек—где уж им пожалеть шуршиков-крошек! У людей какие-то злые законы. Может быть, и у них появились драконы?

—Я не знаю,—сказала Малышка.—Я хочу к маме, я устала слишком.

...В старом парке, угрюмом парке появился милиционер с собакой-овчаркой. Солнце забралось в лохматую тучу, спать устраивается лучше. Скоро на парк темнота упадет. Неужели Малышку никто не найдет?

Подбежала собака к кучке листиков у дорожки. Чьи же это торчат красные сапожки? У милиционера сердитый вид.

—Её тут ищут-переищут, а она в листьях спит!

Взяла мама на руки дочку, а та все что-то бормочет:

—Не надо Глота! Не надо Стока! Шуршики, я не буду жестокой!

...Подросла моя Малышка и давно уткнулась в книжки. Но лишь Осень в старом парке разожжет костр нежаркий, лист на землю упадет—шуршиков искать идет.

Грибок

*Устали Танины ноженьки, устали Танины рученьки, устали
Танины глазоньки. Легла Танечка в кроватку и глазки закрыла.
И пришла добрая ночь.
И началась сказка.*

...В дальнем-дальнем лесу вырос грибок. Сам маленький, ножка беленькая, а шапочка красненькая. Выглянул из-под земли—увидел травушку зелёную.

—Здравствуй, травушка зелёная!

А больше ничего не увидел, такой был маленький.

Прошёл денек—подрос грибок.

Выглянул из травки—увидел кустик. Кустик маленький, на нём ягодки аленькие. Брусника поспела!

—Здравствуй, травушка зелёная! Здравствуй, ягодка-брусничка!

А больше ничего не увидел. Все ещё маленький.

Прошёл денек—подрос грибок.

Посмотрел вокруг—лес стеной стоит. Деревья большие-пребольшие, листочками шелестят, головами зелёными ветру кланяются.

—Здравствуй, травушка зелёная! Здравствуй, ягодка-брусничка!
Здравствуйте, деревья-великаны! Вот я уже какой большой!

Большой, да не совсем.

Прошёл денек—подрос грибок.

Приподнял шапочку, посмотрел вверх, а там!.. Небо—синее-синее, солнце ясное-ясное!

—Здравствуй, травушка зелёная! Здравствуй, ягодка-брусничка!
Здравствуйте, деревья-великаны! Здравствуй, солнышко ясное!

Рос-рос грибок—и вырос.

Про Галку сплетницу, непрошенную советчицу

По квартире ходит гном, старый добрый Угомон. Прогоняет смех и шутки, ждать не хочет ни минутки. Ну-ка, внучка, спать ложись, поскорей угомонись! Ведь для сказки-то нужна тишина.

В старые, стародавние времена жила в наших лесах птица одна. Была она такую красивой, что тебе и не снилось. Каждое пёрышко на солнце переливалось и искрилось красным, синим, золотым цветом, и хвост был длинным и бесподобно красивым при этом. Хороша была птица, да болтлива ужасно, вот жалко! И звали эту птицу Галкой.

Где ни появится—сразу встречается в беседу и непременно обсудит пернатых соседак.

—Гляньте, Ворона гнездо сотворила из веток! Лень ей хорошее сделать для собственных деток. А про тебя-то, Сорока, она такое сказала! Будто ты у неё золотую серёжку украла. На месте твоём я бы пёрышки ей пощипала!

Летит к Вороне Галка-сплетница, непрошенная советчица.

—Сорока-то, знаешь, от жадности что натворила? Она трещётку нечаянно проглотила! Теперь день и ночь трещит и стрекочет и обзывает всех, как захочет. Тебя, например, старою каргою... Неужели ты простишь ей такое? Вздуй хорошенько, всего-то и дела!

И дальше сплетница полетела. Увидела Соловья, запричитала, закричала:

—Ты знаешь, мне встретился бедный дятел. Видно, совсем с ума он спятил: бьётся и бьётся о дерево головой. Не пойму, как он до сих пор живой? А тебя, Соловей, мне ужасно жалко!—нашептывает сплетница Галка.—Ты так чудесно поёшь, а твоя Соловьяха—такая невзрачная пичуга и тихая! Пел бы уж лучше ты для Синицы!

Перессорились в лесу все птицы, а Галка и рада, ей только этого и надо.

—Ну до чего же я, Галка, счастливая! Умная самая и самая красивая!

Но однажды собрались все птицы вместе и решили:

—Галке в нашем лесу не место! Пусть летит, куда захочет, эта сплетница, непрошенная советчица!

И полетела Галка в полюшко-поле, широкое раздолье. А там зреет пшеница, рожь колосится. Червяков, и жуков, и гусениц—только не ленись, подбирай! Живи сама и другим не мешай!

Повстречала Суслика:

—А Перепёлка-то, знаешь, лишь врага увидит, детей бросает, прочь улетает. А у мышек-то хвосты голые, облезлые, противные ужасно...

Но Суслик ей:

—Не трать-ка ты времени напрасно! Хоть ты и очень красивая птица, со сплетницей мы не желаем водиться. Улетай, куда хочешь, и весь разговор!

Полетела Галка в деревню, к людям во двор. Обжилась, огляделась, понравилась людям—красивая птица, такую можно гордиться.

А Галке скучно. Без сплетен тоска её душит. Решила залететь на трубу, о чём люди болтают, подслушать. Устраивалась-устраивалась, мостилась-мостилась—и в трубу свалилась. Вылезла—хвост обгорел, стал коротким, сама вся в саже, не догадаешься, что это Галка даже!

С тех самых пор ходит эта Галка чёрной.
Не подражайте ей, пожалуйста, девчонки!

Про девочку Милу и крокодилов

Ходит по двору туман, спрятав солнышко в карман. Просыпаться день не хочет, мирно спит в объятьях ночи. Ну-ка, Милочка, вставай да мордашку умойвай: кашку гречневую кушать, пить чаёк да сказку слушать.

У девочки Милы два крокодила: один Зелёный, а другой Красный, почему красный—неясно. Живут крокодилы не в речке Ниле, живут крокодилы с игрушками в корзине. Зелёный—вечно сонный, а Красный—озорник ужасный.

Вчера он забрался в тарелочку с кашей и вымазал волосы кукле Наташе, раскрасил фломастером стены и двери, шнурки из ботинок на прочность проверил. Сегодня по кухне рассыпал картошку, в пакете с мукой повозился немножко, унёс и запрятал все вилки и ложки.

Сердится Мама:

—Что это ты, Мила, натворила?

А Мила несёт Красного крокодила.

Обиделся Красный крокодил ужасно.

—Не я забирался в тарелочку с кашей и вымазал волосы кукле Наташе. Не красил фломастером стены и двери, шнурки я не трогал, Зелёный, поверь мне! Терпеть не могу ни муки, ни картошки и в толк не возьму, для чего же мне ложки?

И дружно решили тогда крокодилы:

—Уйдём мы сегодня от девочки Милы. Уж лучше нам в Африке плавать по Нилу...

И ночью тихонько ушли из квартиры. Да только Зелёный ужасно был сонный. До двора добрался, в песок закопался. Красный его тормошит и торопит, а Зелёный храпит, просыпаться не хочет.

Встала утром девочка Мила:

—А где крокодилы?

Заплакала, во двор побежала, Красного крокодила сразу отыскала, а Зелёного еле-еле из песка откопала. Домой принесла, в ванне их купала.

Живут крокодилы у девочки Милы. И Мама довольна — порядок в квартире. А если уж кто и нашkodит без спросу, то Мила теперь крокодила не носит, а признается:

—Мамочка, это я!

Про Доброту

Степями целинными, холмами, долинами, лесами былинными дорога бежит бесконечная, длинная.

—Куда ты бежишь, дорога, вприпляску?

—За новую сказкой!

Недавно это было или давно, вспомнить уже никому не дано. Жила в лесу, умирая от страха, неуклюжая, пушистая Росомаха. Была она очень добрая и для всех зубастых и клыкастых очень даже съедобная. Все-то в лесу её обижали, дорогу ей никогда не уступали. И однажды душистым летом, наконец, надоело ей это.

—Ах, почему я такая несмелая, такая добрая? Мне кажется, доброта—вещь не очень удобная. Попробую-ка я от неё избавиться. Что тут мудрить—подарю её Зайцу.

Но Косой задрожал:

—Я и так не злой совсем, никого не обижаю, никого не ем!—Подскочил и помчался, что духу было.

Росомаха совсем, было, приуныла, да у норы увидела Лису.

—Ну-ка я ей доброту отнесу! Этой плутовке всегда всего мало. Возьми, Лиса, мою доброту!

—А почём?

—Отдаю задаром!

—Раз задаром, значит, мне она не годится. Не смогу я в ней ни покрасоваться, ни погордиться. Убирайся с глаз, глупая Росомаха!

И лапой по носу её со всего размаха.

Бредёт Росомаха, а навстречу ей Серый Волчище, кем пообедать бы посытнее, ищет.

—Ага, мой обед идёт ко мне сам!

—Не ешь меня, Волк, я тебе доброту отдам!

—Доброта...доброта... А она съедобная?

—Нет, не съедобная. Доброта—она просто добрая.

—Счастье твоё, что телёнка поблизости чую. А то бы я съел тебя за глупость такую!

Несётся по лесу, не видя дороги от страха, пушистая неуклюжая Росомаха.

—Как хорошо, что Волчище меня не сцапал!—и подкатилась прямо Медведю под лапы.

—Что ты путаешься на дороге?

—Ты, Медведишка, меня не трогай! Я тебе подарю свою доброту.

—Доброту? С меня и моей доброты хватает, а шубу твоей добротой не залатаешь!

И дальше потопал толстяк косолапый, а Росомаха села и давай плакать. Расстегнула шубку, доброту достала, в платочек беленький завязала, положила узелок на дороге—и давай Бог ноги! Бежит всё быстрее и быстрее—и свирепеет.

...Добрая птица, чудесная птица над лесом волшебницей белой кружится. На дорожку тихонько опустилась, в клюв узелок—и за облаком скрылась.

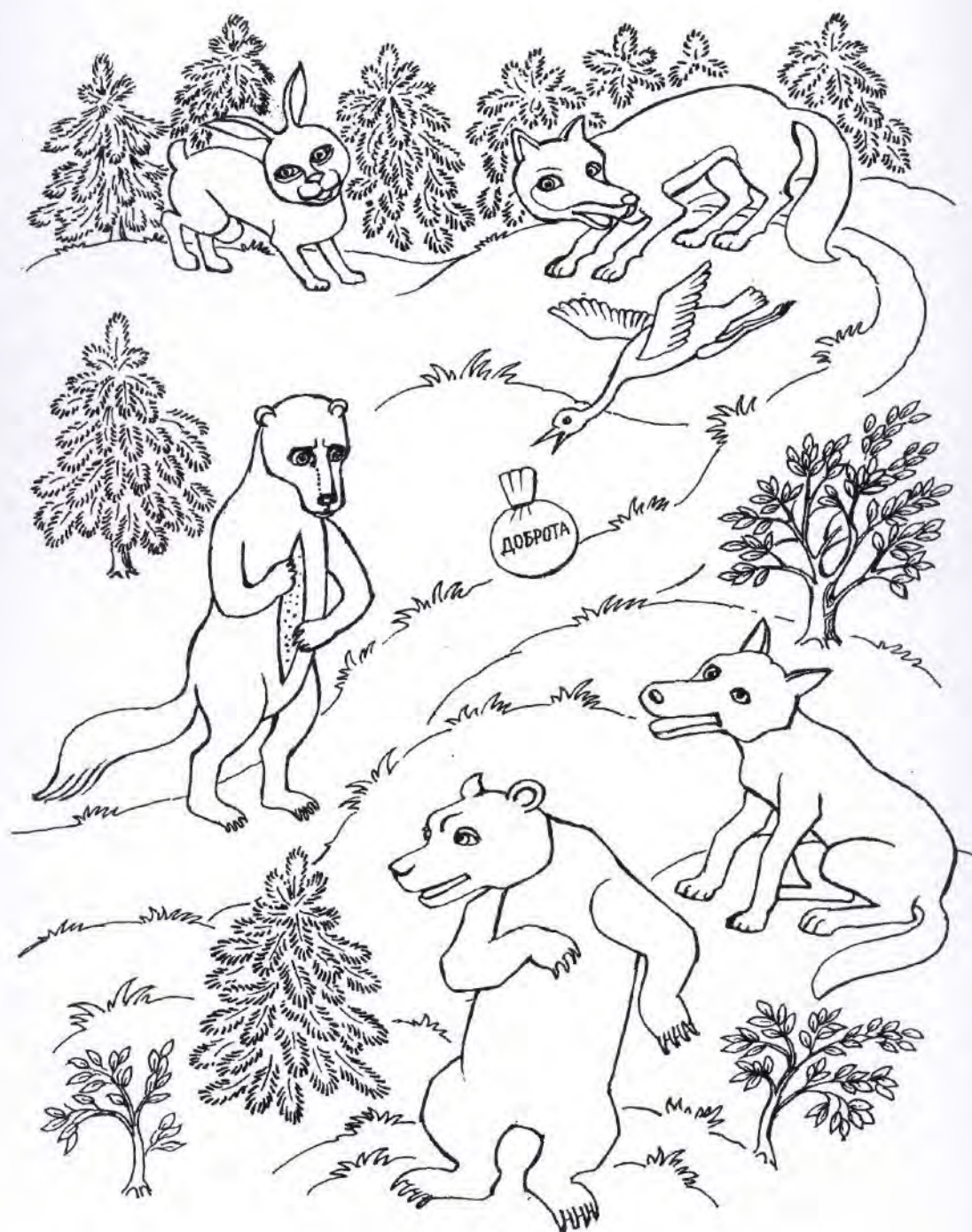
—Доброта никогда не бывает лишней, отнесу узелок моим аистишкам.

И взрослые знают, и малые дети—нет аистов милых добрее на свете. И строят им гнёзда, и ждут—не напрасно. Приносят волшебники-аисты счастье. Из сказок известно, из сказочных книжек: для мам и для пап они носят детишек.

...А Росомаха не ведаёт страха. Умеет и рвать, и хватать Росомаха. Никто не стоит у неё на дороге. Лишь только завидят:

—Спасайтесь! Тревога!

Бегут, даже если наткнутся на след—безжалостней Росомахи в лесу зверя нет. И только во сне иногда ей приснится прекрасная добрая белая птица.

Про Пингвинёнка Пиньку

Мчится за окном метель—белая лошадка. Нам давно пора в постель, в тёплую кроватку. Положи под ушко мягкую подушку да закрой-ка глазки—и услышишь сказку.

Пингвинёнок Пинька—пингвинёнок смелый, чёрненькая спинка, а животик белый. Он у Мама и Папы—единственный и бесценный, да вот только шалун отменный. Любопытство его разбирает—аж жутко! Только родители отвернутся—затопают ножки вперевалку по снежной дорожке.

—Почему снег белый, а в трещинах зелёный лед? Надо разведать! Вперёд!

Над трещиной пониже наклонился—и вниз свалился. Бегают Мама, бегают Папа:

—Куда подевался сынок краснолапый?

До трещины добежали—чуть в обморок не упали. Хорошо очень, что у Пиньки толстый животик. Пинька застрял, далеко не упал.

—Соседи! На помощь! Скорее сюда! Надо вытащить Пиньку изо льда!

Наказанный Пинька согнул свою спинку. Стоит, размышляет:

—За что попадает? Поставили рядом, стой, и не с места! А если мне все интересно?

Оглядывается Пинька и видит: лежит у камня огромная рыба.

—Маленькой рыбки глотаешь без счета. Одной большой наесться охота!

Только отвернулись Папа и Мама—пингвинёнок к рыбе понёсся прямо. Лапки раздвинул, клювик разинул—хватать!—и скорее глотать. А рыбина—вот ведь вредная какая! Всё застрекает и застрекает. Чувствует Пинька—беда! Ну ни туда теперь, ни сюда! Упал на спинку, лапками машет, а рыба голова над Пинькою пляшет. Встать он не может, позвать не может. "Ох,—думает,—задохнусь, кто мне поможет?"

Десять пингинов спасали ребёнка, рыбу вытаскивали из пингвинёнка. Тянули так, что искры из глаз:

—Эй, ухнем! Эй, ухнем! Ещё разик да ещё раз!

Пингвинёнку крепко досталось, но любопытство его никуда не делось—при нём осталось. Замучились с ним и Папа, и Мама. Устали, на солнышке разомлели и задремали.

Думает Пинька:

—С Папой и Мамой я в ссоре. Не любят они меня—уплыву от них в море!

А море ворочается и вздыхает, а море сердитые волны вздымает.

А в море Акула зубастая рыщет, кого-нибудь на обед себе ищет.

Решает Пинька:

—Я смелый или не смелый? С берега спрыгнуть—всего-то и дела!

Глазки закрыл, разбежался и с ходу с головкой ухнул в холодную воду.

Сердитое море волною вздохнуло, вверх тормашками его перевернуло:

—Хочешь плавать, малыш, научиться—придётся тебе хорошо потрудиться!

Трудятся крылышки, трудятся лапки:

—Ура! Я плыву! Но всё-таки страшно!—и к берегу без оглядки.

Ох, оглянуться Пиньке бы надо: зубастая Акула—вот она, рядом! Пинька уже у берега, а вылезти не может—крылышки и лапки скребут по льду. «Ну, теперь,—думает,—точно пропаду! Кто найдет? Кто поможет?»

Но море вдали фонтаном кипит: появился Кит. Щёлкнула со злостью зубастая акуля пасть:

—Опять этот Кит! Чтоб ему пропасть! Сам пингинов не ест и мне не даст. Убираться придётся, такие дела!—И в море разбойница уплыла.

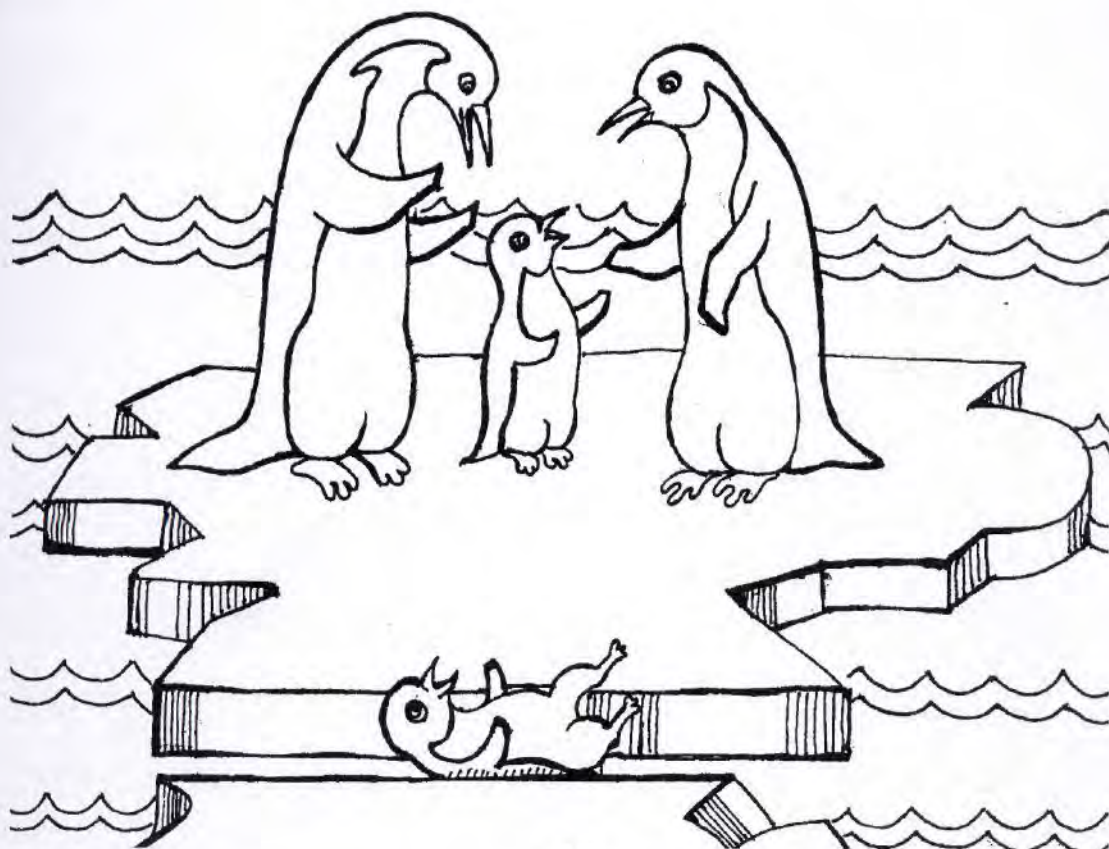
А у пингинов опять тревога: Мама и Папа зовут на подмогу.

Тонет у берега Пинька-глупышка, надо скорее спасти малышку. Пингвин за пингином прыгают в воду—маленькому неслуху на подмогу. Спинами, головами толкают—и вот уже, еле живой, Пинька из воды вылезает. Стоят вокруг пингины, его ругают:

—Что же ты, глупый, забрался в море? В одиночку плавать—далеко ли до горя?

—Не нужен я Маме, не нужен я Папе!—горько рыдает малыш краснолапый. Нашлёпать ребенка—нехитрое дело. А если мне стоять и стоять надоело?

—Любопытство твое, пингвинёнок, опасно. Погибнуть ты можешь совсем напрасно. Мы знаем, Пинька,—ты очень смелый, чёрная спинка, животик белый. Для родителей ты, поверь, единственный и бесценный. Но чтоб не попасть в чьи-то зубы и лапы—нужно слушаться Маму и Папу!

Про Обещалку

На лежанке спит Барбос. Котик нос упрятал в хвост. Спят игрушки в уголке. Люстра спит на потолке. Забирайся-ка в кровать, сказку слушать, крепко спать.

За гороховым полем в лесу возле звонкой реки жили да были неуклюжие толстые хомяки. Хомяк Степан—ворчун обстоятельный и хомячиха Степанида—толстушка обаятельная. А с ними и детишки—забавные хомячишки. Весело, сытно, уютно жили, в шубках коричневых все ходили, надевали на ножки чёрные лапотошки. Никто не плакал, не охал, дружно питались вкусным горохом.

Но однажды утром пал на землю Седой Туман, спрятал он Солнышко Ясное в карман. Злая колдунья над гороховым полем полетела чёрною птицей Галкой. Захотелось ей сделать чёрное дело—бросила в поле горошины-обещалки.

Солнышку в туманном кармане слишком печально, оно оттуда выбирается, выкарабкивается отчаянно. Выскочило—и на небо покатилося, туманом умытое только ярче засветилось. Седой Туман повздыхал, повздыхал—и растаял.

Решила Степанида: пожалуй, время за горохом идти на поле настало. Топочет по дорожке вперевалку немножко. Дошла до поля—горох срывает, за щёки его набивает. Стали щёки, как два шара. Значит, в нору возвращаться пора. Вернулась—и делит еду своим малышам.

—Эту горошину я им не дам. Странная очень, но выбросить жалко. Подумала—и слопала обещалку.

И с той поры изменилось все слишком. Плохо стало хомяку Степану и хомячишкам. Просит хомяк Степан:

—Зачини мне на шубе карман!

Хомячиха Степанида, толстушка обаятельная, отвечает:

—Зачиню. Завтра зачиню обязательно!

Пообещает—и больше ничего её не тревожит. И назавтра так, и послезавтра то же. Хомяк Степан с дыроу в кармане мается, а хомячиха Степанида чем только ни занимается. И всё обещает так ласково и обаятельно:

—Завтра. Завтра зачиню обязательно!

А Сорока-белобочка вокруг то боком, то прискоком вертится, кричит:

—Так и верится! Так и верится! Тебя о чём-то просить—всё равно, что воду месить!

Подскочит Степанида, глухо зарычит, зубами щёлкнет—а Сорока-белобочка уже на ёлке.

Просят маму детишки-хомячишки:

—Принеси нам, мама, большую шишку! Будем ею играть, а то нам скучно. Только выбери побольше и получше!

Хомячиха Степанида, толстушка обаятельная, обещает:

—Принесу. Завтра принесу обязательно!

А Сорока-белобочка от смеха надрывается, вертится, кричит:

—Так и верится! Так и верится! Тебя о чём-то просить—всё равно,

568736

что воду месить!

Подскочит Степанида, глухо зарычит, зубами щёлкнет—а Сорока-белобока уже на ёлке.

Просит Степаниду хомячиха-соседка Старушка:

—Приди, помоги мне починить мою норушку!

Что нужно сделать, обсудит с ней Степанида толково и обстоятельно и обещает:

—Завтра. Завтра приду обязательно!

А Сорока-белобока вокруг неё вертится, кричит:

—Так и верится! Так и верится! Тебя о чём-нибудь просить—всё равно, что воду месить! Сколько хочешь рычи и зубами щёлкай—всё равно не достанешь меня на ёлке!

Может, так бы и продолжалось это дело, но хомяку Степану слушать обещания надоело.

—Уходи от нас, Степанида, сам теперь всё буду делать!

Заплакала Степанида, в лес подалась, бредёт, слёзы глаза застилают, ничего не видит да и видеть не желает. Зацепилась лапой за большую толстую палку, упала, ударилась—выскочила из неё горошина-обещалка.

Поднялась Степанида, на задние лапы села и думает: «Что же я такое наделала? Мне без хомяка Степана и хомячишек жизнь не мила. Побегу домой, переделаю все дела!»

Вернулась домой, подаёт малышам большую, красивую, крепкую шишку.

—Играйте, родные мои хомячишки! Прости меня, любезный хомяк Степан, давай, зачину на шубе твоей карман да пойду навещу соседку Старушку, помогу ей починить её норушку.

С тех пор хомяки живут дружно. Помнит Степанида—обещания выполнять нужно!

Про жадного крота Федота

Тихо-тихо, нежно-нежно постучался вечер снежный. Прошептал в окно чуть слышно:

—Спать пора тебе, малышка. Закрывай скорее глазки!

—Подожди, а где же сказка?

У Федота, маленького толстого крота, не жизнь—а красота!

Игрушек целая куча, только захочет конфетку—получит. А сам поскорее тянет лапу: как бы у сестрёнки или у братишки сцапать. Прячут малышки-зверюшки от него свои книжки и игрушки. Найдёт Федот, схватит и кричит:

—Не отдам никому, всё мне одному!

Ходить с ним маме на базар—настоящий кошмар. Опозорит перед целым светом: и то ему надо, и это, и это. Лапами топают, кричат и плачет:

—Купи! Домой не пойду иначе!

Мама вздыхает—и покупает.

Растёт Федот—и жадность его растёт. Что ни увидит—в нору утянет, проси, не проси—не вернёт, не достанет.

—Не дам никому, всё мне одному!

Плачут зверята, не любят Федота, а у Федота одна забота: как бы побольше схватить и зацапать, и отобрать, утащить и запрятать.

Собрались звериные мамы, повздыхали, подумали немножко, решили пойти к Бабушке Ёшке.

Бабушка Ёшка возле своей избушки сидела, на солнышке старые косточки грела. Сидит и видит: удивительно прямо, к ней толпою идут звериные мамы.

—Что такое? Какая случилась беда? Зачем вы толпой притащились сюда?

Сказала Волчица:

—Крот Федот нашим детям житья не даёт. Всё отбирает, в нору свою тянет. Знает, в норе его кто же достанет?

Плачет Зайчиха:

—Терпеть нету сил! Чуть вместе с морковкой зайчонка не утащил!

Вздохнула Бабушка Ёшка:

—Не плачь, Зайчиха! Пошлю к нему Лохматое Лихо—и снова в лесу будет мирно и тихо.

Лохматое Лихо бредёт по дорожке—подарок Федоту от Бабушки Ёшки. Дошло, куда надо, достало платок, завернуло само себя в узелок и легло у норы под берёзой в тенёк.

Крот Федот за добычею вышел, увидал узелок—и скорее подмышку.

—Не отдам никому, всё мне одному!

Довольный втащил к себе узелок, развернул—обвалился в норе потолок.

Лохматое Лихо хихикает тихо.

—Что смеёшься?—заворчал Федот сердито.—Кто ты такой?

—Я—Лохматое Лихо. Теперь я повсюду с тобою буду. Само себя

разлохмачу—будут у тебя сплошные неудачи!

Кричит Федот:

—Уходи, куда хочешь!

А Лохматое Лихо только хохочет:

—Не пойду ни к кому, всё тебе одному!

Схватил Федот узелок, затолкал в него Лихо и вон поволок.

Только из норы вылез—дерево на него упало, здорово бедняге лапы прижало. Сидит, раны зализывает и плачет, а Лохматое Лихо прямо в узелке к нему скачет.

—Не пойду ни к кому, всё тебе одному!

Бедный Федот дождался ночи. Уснуло Лихо—вытащил из норы узелочек, положил на пенёчек. А сам скорее бежать из леса:

—Поди-ка в поле найду я место!

Всю ночь над новой норой трудился, успел до рассвета и под землёй затаился.

—Я днём никуда выходить не буду. Проснётся Лихо—отыщет меня повсюду.

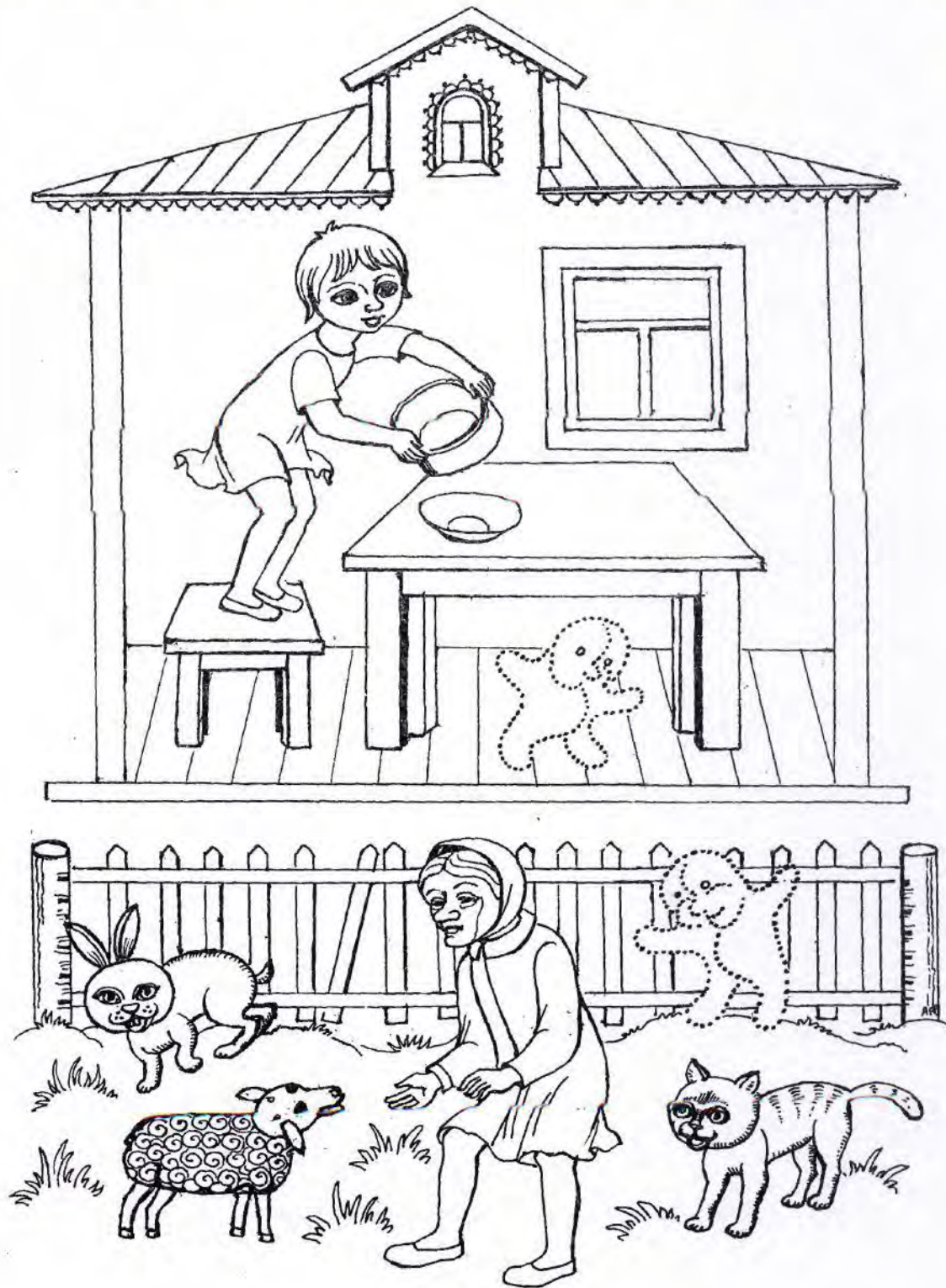
Прячется крот, бедный Федот. Солнца не видит, в темноте живёт, лишь ночью на прогулку идёт.

А Лохматое Лихо лежит на пенёчке тихо. Вдруг кто жадный мимо пройдёт—подберёт.

Про шалуницу Наташку и сбежавшую кашку

У моей Танюшки—ушки-хитрослушки. У моей девчонки—хитрые глазёнки. Только коль легла в кровать—всё равно придётся спать. Спят и речки, и мосты, спят деревья и цветы. Сказка, сказка, где же ты?

На околице села внучка с бабушкой жила. И звали внучку Наташкой.

Рано бабушка встаёт—в доме дел невпроворот: всё убрать и всё помыть, и корову подоить. Ничего-то сделать не позабудет, кашку сварит и внученьку будит:

—Вставай, Наташа, любимица наша!

А Наташке вставать не хочется, ей бы ещё с боку на бок поворачаться. Одеваться—и вовсе беда, по кровати бегаёт туда и сюда.

Надоело однажды кашке ждать Наташку. Приподняла она крышку—грох-грох, на плитку шмыг-шмыг, на пол шлёп-шлёп, по полу скок-скок—и за порог.

Села за стол Наташка:

—А где же моя кашка?

Бабушка только руками развела, кастрюлю схватила и пропавшую кашку искать пошла. И так спешила, так спешила, что очки на нос нацепить забыла. На крыльцо вышла:

—Не плачь, Наташка! Да вот же она, твоя кашка, белая, пушистая, от маслица золотистая!

Только нагнулась, чтобы поднять, а кашка:

—Мяу!—и ну прочь бежать.

Видно, получилась промашка—это котёнок, а вовсе не кашка.

Думает бабушка:

—Вот незадача! Кашка сбежала—и внученька плачет.

Вышла во двор, до калитки дошла.

—Вот она, кашка! Теперь-то нашла! Белая, пушистая, от маслица золотистая!

Только нагнулась, чтобы поднять, а кашка:

—Бе-е-е!—и ну прочь бежать.

Вышла у бабушки снова промашка: это барашек, а вовсе не кашка.

Думает бабушка:

—Вот незадача! Дома голодная внученька плачет, кашки не видно, а время идёт. Не заглянуть ли на огород?

Смотрит:

—Вот радость! Не плачь, Наташка! Вон у капусты пропавшая кашка! Белая, пушистая, от маслица золотистая!

Только нагнулась, чтобы поднять, а кашка как заверещит, как ушами хлопает—и ну прочь бежать!

Думает бабушка:

—Это уж слишком! Спутала с кашкой косоного зайчишку! Видно, домой уходить со двора пора.

Пригорюнилась и вдруг слышит то ли всхлип, то ли вздох:

—Пых-пых-пых! Ох-ох-ох!

Пожалела кашка Наташку. Спешит домой, отдувается, уже на крылечко забирается.

Подставила бабушка кастрюльку—кашка туда. Остыла, правда, да не беда—подогреть её можно всегда.

Кужай на здоровье, Наташа, любимица наша!

Про снежного Зайчика

За окном метёт метель, стелит снежную постель, замечает спящий город, нагоняет лютый холод. А у нас тепло в кроватке. Засытай же сладко-сладко! Ляг скорее на бочок, ненаглядный мой сверчок!

Солнце спряталось за тучи. Тучи сыплют снег колючий. Толстощёкий зимний Ветер рвёт и треплет тучи эти, замечает след дорожек, развлекается, как может. Одному резвиться скучно.

— Не слепить ли мне зверюшку?

Снежок на снежок, прыг-скок-поскок—получилось брюшко, голова, два ушка, лапки, хвостишко—маленький зайчишка. Беленький, пушистый, невозможно чистенький.

—Поиграй со мной немножко, поскачи-ка по дорожке!

Но не двигается Зайчик, ведь без глазок как поскачешь?

—Что стоишь?—надулся Ветер. Да напрасно ждет ответа: ротика-то тоже у зайчика нету.

Обиделся Ветер, улетел куда-то. Только бедный малыш—он чем виноватый?

Прилетела Синица, весёлая птица.

—Ой, какой Зайчик хорошенький! Только без глаз ему быть не годится.—Поискала, нашла две малюсеньких шишки. Воткнула—и вот с глазами Зайчишка. Шиповника ягода носиком стала, а ротик Синица сама проклевала. И ожил Зайчишка, запрыгал Зайчишка. А с ёлки Ворона:

—Не прыгал бы слишком! Смотри, не забудь, что ты снежный, малышка!

...У мамы Зайчихи немало забот: сегодня встречают в лесу Новый год. Морковный салат, пирог с капустой—большущий пирог, изумительно вкусный, и ягод мороженых полное блюдо уже на столе. Расставляет Зайчиха посуду.

Весёлой толпой прискакали зайчата. Ораве такой пирога маловато. А следом запрыгнуло снежное чудо. Дивится Зайчиха:

—А этот откуда? Малыш, вот беда, ты растаешь в избе. Сидеть на крылечке придётся тебе. Как жаль, что не сможешь у нас погостить! Но я не забуду тебя угостить!

Торопится Лисонька снежной дорожкой и видит: зайчишка неосторожный сидит и не прячется—вот ведь чудак! Зовёт его:

—Зайчик, скачи-ка сюда! Что грустный такой? Я тебя пожалею. Зайчишек жалеть я всех лучше умею!

И снежный малышка—к Лисице вприпрыжку: бояться ещё не умеет глупышка!

Лиса облизнулась:

—Сейчас тебя съем! Фу, зайцем ты что-то не пахнешь совсем! Холодный-холодный и грустный-прегрустный—пожалуй, ты, Заяц, ужасно невкусный! Противный какой-то!—и ринулась в лес.

А Зайчик опять на крылечко залез. Тут дверь отворилась. Ему на порог кладут на тарелке капустный пирог. Забрал угощение он в снежные лапы:

—Я есть не умею!—и горько заплакал.

Вздохнула Зайчиха:

—Что делать, не знаю. Давайте-ка лучше пойдём погуляем! Дойдем-ка мы с вами до праздничной ёлки. Пусть каждый на память возьмет по иголке.

Как белые мячики, зайчики скачут, и снежный малышка меж ними маячит. Уж близенько-близко нарядная ёлка. Да только увидели зайчики Волка. Он вышел навстречу им серою тенью.

—Сейчас вам устрою такое веселье!

Бежать бы зайчатам, да с перепугу они лишь теснее прижались друг к другу.

—Уйди!—закричала Зайчиха сердито.

Да где же ей справиться с серым бандитом! Едва увернулась от щёлкнувшей пасти. Сейчас её Волк растерзает на части!

Но снежный малыш не раздумывал долго. Прыг-скок! Разогнался и прыгнул на Волка. Ударил его изо всей своей силы, разбойника серого снегом засыпал. А сам вдруг исчез. Лишь остались две шишки да бусинкой красной шиповник-носишко.

Волчище на лапы, шатаясь, поднялся.

—С подобными зайцами я не встречался! Чтоб были из снега и злы необычно... Пойду, поищу-ка другую добычу!

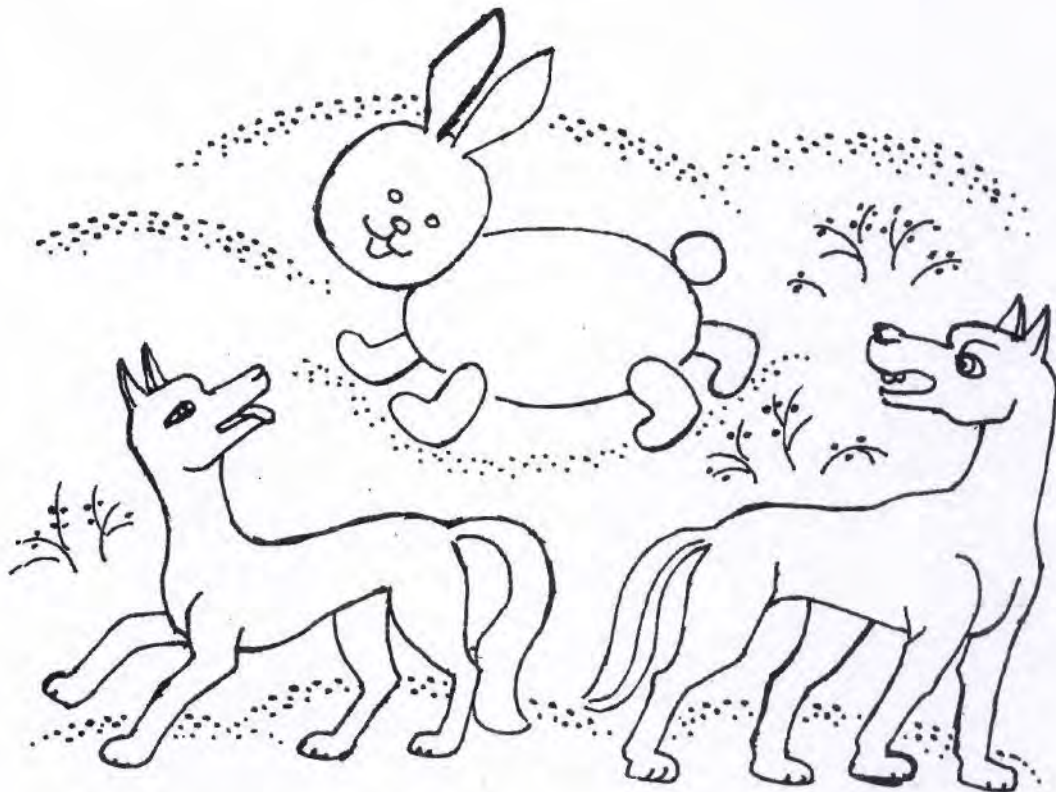
...И всё хорошо. И все живы-здоровы. И снежного зайчика делают снова. Снежок на снежок, прыг-скок-поскок—получилось брюшко, голова, два ушка, лапки, хвостик—маленький Зайчишка, беленький, пушистенький, невозможно чистенький. И глазки на месте—две маленьких шишки, на месте и красный шиповник-носишко. И с ротиком справились просто прекрасно. И вдруг услышали:

—Вы это напрасно! Ведь я некрасивый, противный, невкусный, я есть не умею морковь и капусту, с зайчатами вместе я жить не могу, в избушке расту, водой побегу. Сломайте меня!

Но Зайчиха сказала:

—Ты добрый, а это, поверь мне, немало. Поможет тебе новогодняя ёлка, волшебные нынче на ёлке иголки. Скорее садись под зелёную лапу, не бойся себя уколоть, оцарапать! А ну-ка, все вместе попросим, зайчата—пусть станет малышка вам маленьким братом!

И снежный Зайчишка под ёлочку сел... И стал он не снежный—такой же, как все!

Утёнок Кряк

Сон забрался под кроватьку и зевает сладко-сладко. Коврик дремлет на стене. Внученька, иди ко мне! Раздевайся поскорей—сказка ждёт уж у дверей.

Не в лесу, не на горе, а просто в одном дворе у скромной серенькой мамы Утки подрастал сынок-малютка—утёнок Кряк, большой чудак. Ему всего-то неделя от роду, а он никому не даёт проходу.

—Кряк! Кряк! Тётя Курица, ты всё делаешь не так! Глотаешь не с того конца червяка!

—Ко-ко-ко! Посмотрите-ка на чудака! Займись-ка, малыш, своими делами! Как клюну сейчас! Улепётывай к маме!

Утёнок Кряк никак не уймётся. Видит—пёс сидит у колодца, чешет за ухом заднюю лапой.

—Кряк! Кряк! Передней чеши, Барбос лохматый!

Барбос удивился, как тьякнет сдуру—утёнка Кряка в крапиву сдуло. Мама Утка едва его отыскала—и пожалела, и поругала.

—Пойдём, сынок, пора подкрепиться!

А он ей в ответ:

—Ни к чему торопиться! Ты, мама, неправильно ставишь лапы, смешно смотреть, как топаешь косолапо! Кряк! Кряк! Посмотри, нужно ходить вот так!

Сказала сердито мама Утка:

—Сынок, помолчи, пожалуйста, хоть минутку! Всех поучать никуда не годится, тебе самому ещё надо учиться!

А утёнок в ответ:

—Кряк! Кряк! Зачем мне учиться? Я всё знаю и так!

От мамы сбежал, семенит по дорожке и видит на камне пушистую кошку. Лежит, язычком умывается Мурка, на солнце блестит её чистая шкурка.

—Кряк! Кряк! Кто же умывается так? Вон в канаве чудесная водичка, лень тебе, что ли, пойти и умыться?

Подскачила Мурка, выгнула спинку, хвост трубой, усы торчат, как щетинки. Посмотрела—а это всего лишь утёнок Кряк.

—Ах,—мякнула,—значит, ты так? Меня поучать? Видно, умный ты слишком! Тебя с потрохами я съем, малышка!

Утёнок от страха присел на дорожке. Ах, бедный! На завтрак достанется кошке!

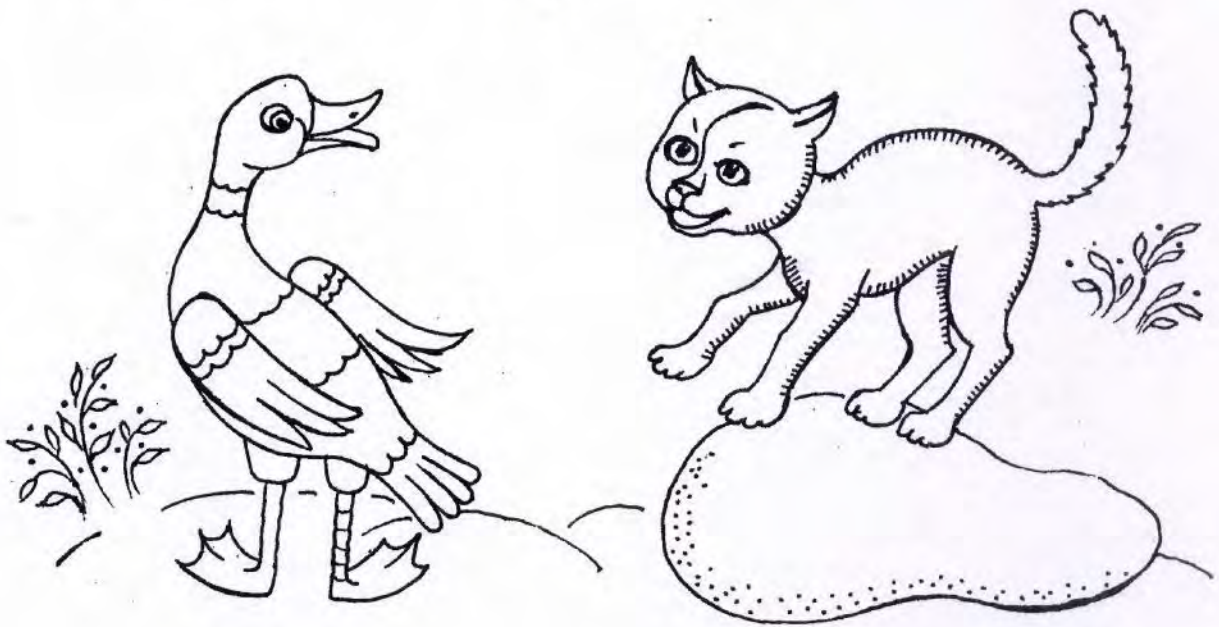
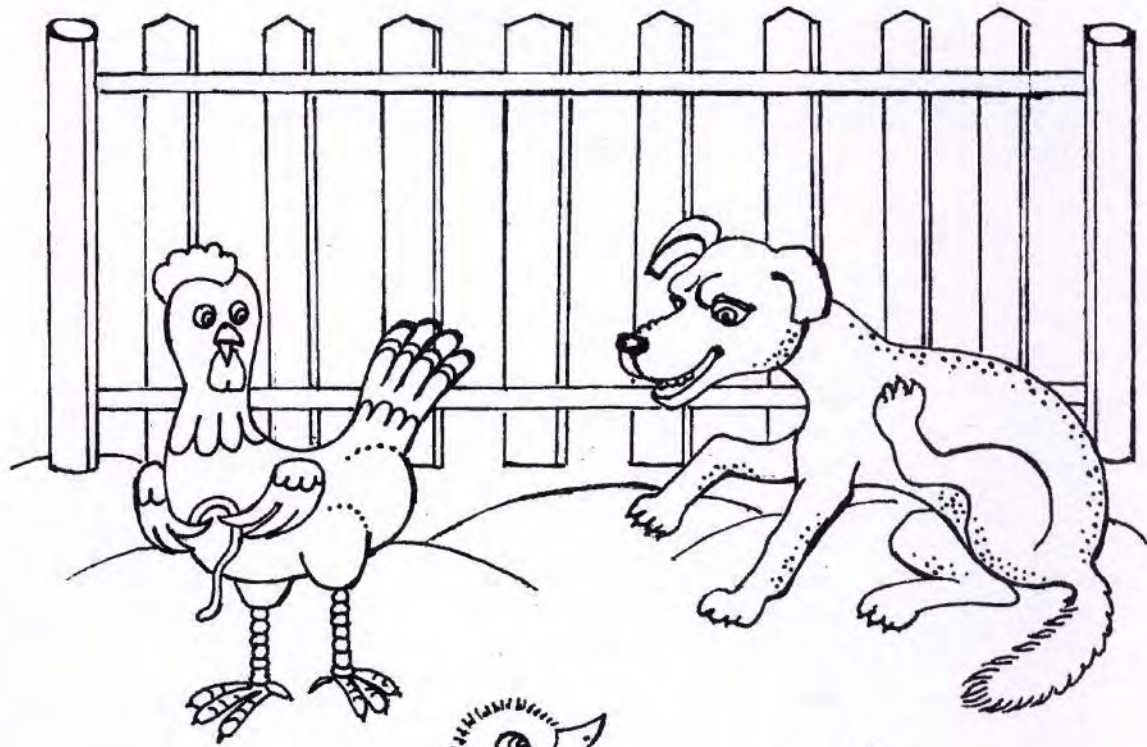
Спешит мама Утка—сынка потеряла. Увидела кошку.

—Ну, так я и знала! Опять ты попал в переделку, глупышка!—Собой поскорее закрыла сынишку.

—Да ладно!—лениво мякнула Кошка.—Мне завтракать, вроде бы, рано немножко!

А мама Утка сердится жутко.

—Ах, глупый утёнок Кряк, ты сам себе враг! Только дурак считает, что он всё знает!

Росинка и Росянка

*День весёлый отзвенел, тихий вечер отгорел, спать ложись скорее.
Две ладошки под щекой—добрый, ласковый покой сон тебе навеет. Ты
закроешь глазки—и услышишь сказку.*

Капелька-росинка жила недолго. Она была очень скромной и очень доброй. Каждое утро Седой Туман осторожно укладывал её на листок, и она сверкала, искрилась и тихонько пела вместе с сестрёнками-росинками, едва загорался восток:

«Если утро росное—день погожим будет.

Мы, росинки-бусинки,—маленькое чудо!»

И каждое утро весёлый жучок Светлячок, просыпаясь, находил Росинку на листке Ромашки. Он обнимал её крохотными лапками и спешил напиться, умыться и постирать рубашку.

Но однажды Светлячок ноченькой беззвёздной свой фонарик погасил что-то слишком поздно. А проснулся—ясный день по просторам катит. Солнце выпило росу до последней капли.

—Как же я невымытым буду? Меня погонят отовсюду! Скажут: «Что за замарашка?» Помоги же мне, Ромашка!

Но Ромашка только грустно белой шляпкою качала—и молчала.

Мимо Бабочка летела, Светлячку прошелестела:

—Лети на болото! Там сыро всегда! А там, где есть сырость, должна быть вода!

Над болотом тишина, зной клубится. Мох ковром лежит везде. Где же здесь напиться?

Но на кочке там, на кочке—что за белые цветочки?

—Светлячок, лети сюда! Есть на листиках вода! Мои листики красны, далеко они видны. На каждом капелька искрится—спеши напиться и умыться!

—Что-то тут неладно!—чуёт Светлячок.—Только солнце нынче здорово печёт! Была не была, попью хоть немножко!

Но зазвенела Болотная Мошка:

—Стой, Светлячок! Не верь ей, не верь ей! Она коварнее лютого зверя. Она приманит, она обманет—пропадешь ни за грош!

—Полететь бы дальше,—стонет Светлячок,—только солнце нынче здорово печёт. День в разгаре и устал я слишком. Попью!

Слышит—гудит Комаришка:

—Эй, Светлячок, не садись на листок! Пропадешь ни за грош!

Рассердился жучок:

—Она так прекрасна! И что вы пугаете меня напрасно? Цветочки белые, нежные, маленькие, капельки-бусинки на листиках аленьких.

Сел жучок Светлячок на листок. Лапкой капельку тронул—прилипла лапка. Беда! Светлячку теперь ни туда, ни сюда. А листок закрывает свою ладошку—скоро от жучка не останется ни крошки.

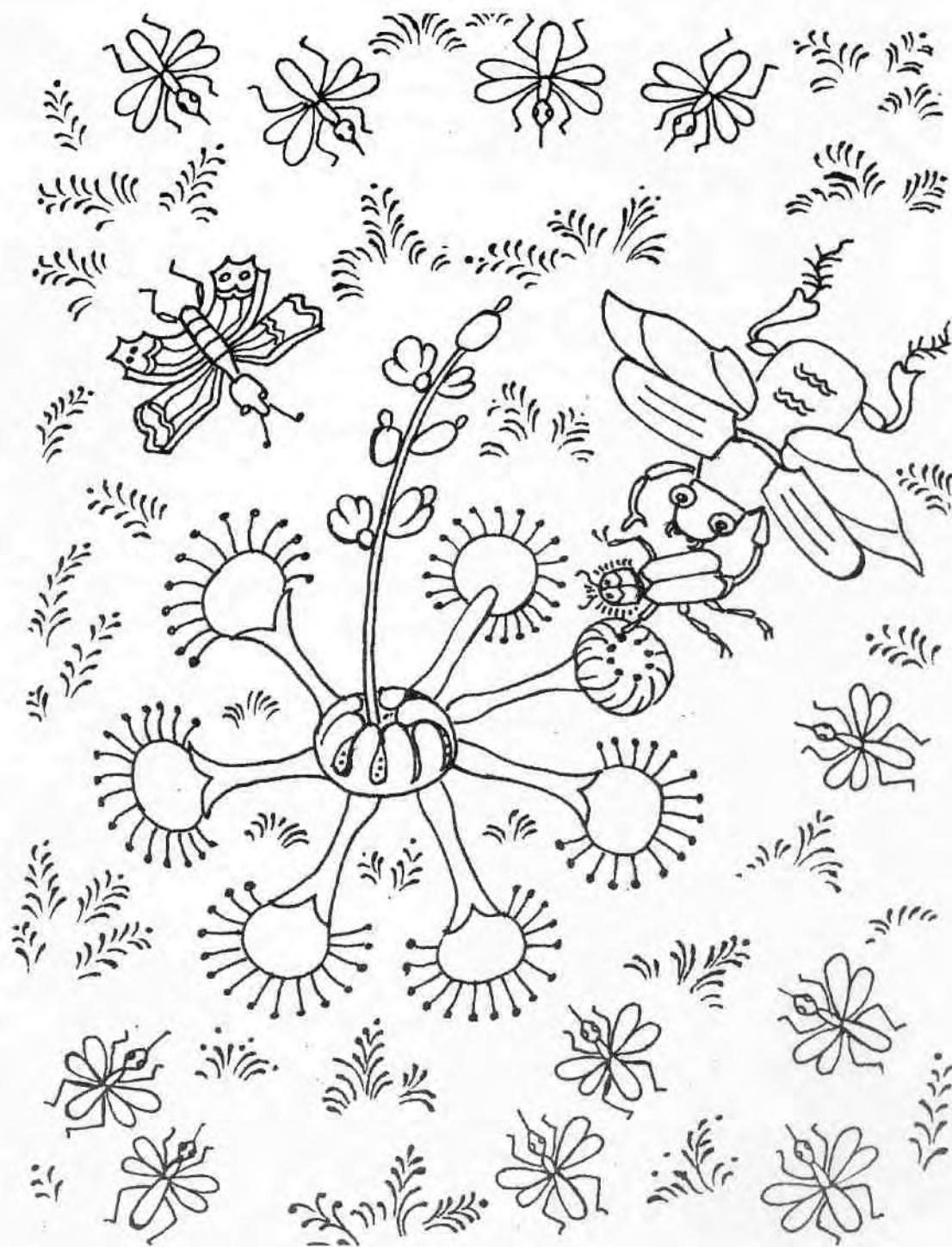
—Куда я попал? Пропал я, пропал!

Вдруг что-то жужжащее небо закрыло, Светлячка потянуло с огромную силой—к свободе! к солнцу! скорее! скорее! Вот уже вырвались лапки из клея.

Несёт Светлячка огромный Жучище так, что только ветер в кры-

лышках свищет. Положил на листок и давай ругаться:

—Ты что ж-ж-же, со смертью решил потягаться? Это ж-ж-же не Росинка, это Росянка, ж-ж-жуткая ж-ж-жадина, обж-ж-жора и грубиянка! Запомни, малыш, запомни надолго: не всякая красота бывает доброй!

Про девчущку Маришку

День устал, и добрый вечер вновь идёт ему навстречу. Не грусти, мой колокольчик. Сказку жди с приходом ночи! Вместо встречи долгожданной—сказка бабушки Татьяны.

В большой, красивой, зелёной луже, камышом заросшей и не пересыхающей к тому же, жил да был маленький лягушонок Квак, большой чудак. В родной луже было ему тесно, что там, дальше, за лужей—вот интересно.

Выскочил на пригорок глупышка, сидит, озирается, всему удивляется. А мимо идёт девчущка Маришка. Увидела она лягушонка.

—Ой, хорошенький какой! Возьму его с собой!

Ладоской кочку накрыла, лягушонка схватила.

—Вот здорово! Будет, что надо, игрушка—в банке с травой живая лягушка!

Бедный Квак не поймет никак, что такое случилось, куда родная лужа скрылась. В кулачке ему жарко и тесно и ни капельки не интересно. Дёргает лапками, мается, а кулачок никак не разжимается. Думал—всё, не видать ему света дневного, да очутился в стеклянных хоромах.

Его положили на мягкую травку. Ему предложили на завтрак козявку. А Квака разбирает тоска: от стенки до стенки всего два прыжка! Лягушонок не ест и не пьёт, в травку залезает, с Маришкой совсем не играет.

—Вот противный!—сказала Маришка.—Что-то уж ты привередливый слишком. Так чудесно у тебя в банке с травой, а ты не хочешь поиграть со мною!

Вдруг слышит:

—Хорошо в банке, говоришь, девчонка? Что ж, стань же ты размером с этого лягушонка! Но этого наказания мало однако—ступай в банку к малышке Кваку!

Оглянулась Маришка и обомлела: громадная Жаба на открытом окошке сидела. Глаза—изумруды, на голове—корона резная так и горит, так и сверкает. Дотронулась до Маришки противною мокрою лапой—стала Маришка маленькой, не больше Квака. Всё вокруг сделалось таким громадным и необыкновенным, а совсем рядом—стеклянные стены.

—Где это я?—Маришка удивляется, за густую траву ногами цепляется. Уперлась в стекло.—Неужто в банку попала? Нет! Не хочу! Ма-а-ма!—горько она зарыдала.

Из травы осторожно высунулся Квак.

—Что за шум? Не пойму никак. Ты кто такая? Не лягушка, не мышка.

—Да девочка я, девочка, Маришка!

—Что ты тут делаешь, глупышка?

—Меня сюда громадная Жаба засадила за то...за то... за то, что я тебя...

—Да, ладно!—сказал Квак.—Что было, то было. Теперь нам надо выбираться из банки скорее, да только как мы стеклянные стенки одолеем?

...Думает Мама:

—Ох, тихо уж слишком! Шкодит, наверно, дочурка Маришка! Надо пойти, посмотреть, как дела.

Мама Маришку, увы, не нашла, хоть заглянула во все уголки. Нет, видно, дома проказницы-дочки. Видно, без спросу гулять убежала. Ох, попадет ей сегодня, пожалуй!

Банка стоит на столе у окошка. К банке подкралась разбойница-кошка. Лапкой потрогала и уронила, и по столу, по окну покатила.

—Брысь!—закричала испуганно Мама.

Банка задела оконную раму, грохнулась лихо в траву за окном. Кошка укрылась в углу под столом.

...—Квак, а Квак! Ты живой? Помоги, я из банки не вылезу никак! Она на боку, но скользкая слишком!

—Подожди немного, я из травы выпутаюсь и помогу тебе, Маришка!

Квак упёрся лапками в днище, вытянулся по банке во весь рост—получился нескользкий мост. Маришка по нему ползёт на коленках, не трогая руками скользкую стенку. Доползла до отверстия, подтянулась, вывалилась наружу, протянула Кваку дрожащие руки. Вытащила его на свободу за лапки. И побежали они, запрыгали скорее прочь без оглядки.

А по двору—Топ! Грох! Грох! Топ!—великан идет, ох! Малыши испугались, спрятались за ведро.

Думает девочка:

—Вот ведь не повезло! Какие-то великаны, наказание прямо!—Задрала голову, посмотрела—а это её Мама. Выскочила Маришка, закричала, маму зовёт, да голос стал слабеньким слишком, Мама её не слышит. Заплакала девочка:

—Квак, милый, что же я делать-то буду?

—Перво-наперво надо поскорее убираться отсюда. Пойдём, Маришка, к моей маме Лягушке. Будешь жить с нами, будешь моей...

—Ой,—испугалась Маришка,—игрушкой?

—Да нет, подружкой.

Через двор не успели приятели перебраться, довелось им с Маришкиной любимой курицей повстречаться.

—Ко-ко-кого я вижу?—обрадовалась Пеструшка.—Кажется, это маленькая лягушка? Ключнуть, что ли?

Но тут подскочила Маришка, прикрыла собой лягушонка-малышку. Курица оторопела, девочку оглядела с одного, с другого бока.

—Это что ещё за букашка? Ключнешь—и отравишься ненароком!

Постояла ещё немного и пошла своею дорогой.

...Скачет Квак по лесной тропинке, а за ним бредёт Маринка, девочка-сиротинка. Ни он, ни она не знают, куда идти. Не видно конца бесконечному этому пути. Смотрят—а под берёзой Сорока-белобока что-то ищет, вертится без толку, трещит без умолку.

—Простите,—сказал лягушонок Квак,—я родную лужу не найду никак. Помогите нам, тётя Сорока, найти домой дорогу!

Но Сорока так глянула на лягушонка, что у того в задние лапки ушла душонка. А Маришка веточку подхватила и хлестнула ею лесную болтушку, что было силы. Не ожидала Сорока, что так обернётся дело, испуганно застрекотала и в лес улетела.

...Ласковый вечер задумчив и светел, дарит прохладу ласковый вечер. Травы уставшие сонно шуршат, время идти по домам малышам.

Путники наши устали ужасно. Сколько же можно скитаться напрасно? Вдруг видят: на ёлке цыганка Ворона лапы поджала, нахохлилась сонно.

—Тётя Ворона!—кричит ей девчонка.—Лужу найти помоги лягушонку!

—Что ты шумишь там, никак не пойму? Что отыскать? И зачем? И кому?

С ёлки Ворона на землю слетела, возле Маришки на камень присела.

—Странно, как будто живая девчонка, только вот ростом всего лишь в мышонка. Что тебе надо?

—Товарищ мой Квак дом свой найти всё не может никак. Не знаешь ли, как нам добраться до лужи, большой и зелёной, камышом заросшей и не пересыхающей к тому же?

—Знаю, но вас неохота вести. Надо бы лапу мне позолотить!

С кофточки брошку сорвала Маришка. А с камня Ворона:

—Ну, этого мало уж слишком!

С пальца колечко девчонка сняла. Ворона вздохнула, но всё же взяла.

—Ладно, что сделаешь, так уж и быть, придётся вас, видно, домой проводить!

...Мама Лягушка сердилась недолго. Главное—лягушонок дома. А для Маришки у самой лужи тёплую норку нашли к тому же.

День пролетел. И другой. И третий. Жизнь продолжается. Солнышко светит. Только, увы, загрустила Маришка, к маме домой захотела малышка. Сядет у лужи на мягком пригорке и зарыдает так горько-горько. Рядом пристроится Квак и заплачет. Жалко Лягушке их.

—Вот ведь задача! Надо помочь, пропадут иначе!—В лужу нырнула два раза и вот—камни волшебные девочке подает:

—Стукни одним об другой, малышка,—и Великая Повелительница Болот тебя услышит!

Камень о камень призывно звучит. Сердце Маришки тревожно стучит.

—Ты меня вызывала?—слышит внезапно. Обернулась—и ужаснулась.

Сидит под кустом огромная Жаба. Глаза—изумруды. На голове—корона резная так и горит, так и сверкает.

Руки тянет девчонка с мольбой и надеждой:

—Повелительница Болот! Ты прости меня, сделай такой, как прежде! Я всё поняла: и звериные детки должны жить с мамами, а не в банках и клетках! Каждого свой дом ожидает и манит. И я хочу домой, к своей маме!

Подумала Повелительница Болот, помолчала.

—Розовую жемчужину достать нужно сначала. В лужу нырнёшь, там на дне её в тине отыщешь раковину и жемчужину вынешь. Вынырнешь, крепко зажав её в кулачонке, и станешь снова обычной девочкой. Но лужа высохнет навсегда.

—А как же Квак?

—Без дома останется он тогда!

И только всё это Жаба сказала—сразу пропала.

Сидит на траве и плачет малышка.
—Повелительница Болот! Ты жестокая слишком! Квак такой милый, и скромный, и добрый. Лучше уж я останусь бездомной!
Смотрит—а из лужи вылезает Квак.
—Ну-ка, Маришка, подставляй кулак!
Розовая жемчужина на ладошку упала. Девочка в ужасе закричала, изо всех сил размахнулась и в лужу обратно её зашвырнула.
И непонятное что-то случилось: всё вокруг завертелось, закружилось. Упала на мягкую травку малышка и слышит:
—Да это же наша Маришка! Мы её ищем и ночью, и днем. Вставай же, дочурка, домой пойдём!
Мама, как Мама, не великанша совсем.
И Маришка—девочка такая же, как все
К Маме прижалась и весело другу кричит:
—Квак! Не грусти! Я приду тебя навестить!

О хлебе насущном

Ой, как пахнет в доме вкусно! Может, пирогом капустным? Или калачами с маком? Или просто—хлебный запах?

Села Мышка у порога.

—Мне бы хлебушка немного! За кусочек хлебной корки сказку принесу из норки.

В давние это случилось года или в не очень давние—это не самое главное. Жила в одном старом-престаром доме, когда—уже никто не помнит, огромная крыса, крыса колдунья, крыса Кларисса. Людей ненавидела и, конечно же, мечтала извести напрочь род человеческий.

Однажды выглянула она из подвала, а во дворе девочка Рая хлебом играет.

—Давно я случай такой поджидала!

Через голову Кларисса перевернулась, серенькой, седенькой старушкой обернулась.

—Ты, дитя, видно, хлеб не доела немножко?

Отвечает Рая:

—Я хлеб не ем, я выбрасываю его в окошко. Хлеб—не пирожное, без него обойтись можно. Вот разве что на дворе с ним поиграю.

В улыбке оскалила зубы старушка.

—Ну что же, совсем не плохая игрушка! Но я подарю тебе лучшую, Рая. Смотри, какая кукла большая, глаза закрывает и открывает. Только ты на хлеб наступи ногою и громко-громко повтори за мною:

—Отныне и навеки хлеб не нужен человеку! Пусть же он до окончания времени достанется серому племени!

Глупая Рая на хлеб наступила, за старушкой слова повторила, только захотела куклу забрать, глядь—ни старушки, ни куклы не стало. Куда же всё это пропало? Только страшная крыса в подвал побежала.

Закричала девочка Рая:

—Ой, уродина-то какая! Убирайся, здесь тебе делать нечего!

А крыса в ответ:

—Скоро дождусь я гибели рода человеческого!

...Хлеб исчез. Дни за днями ползут, словно тучи холодные. Ходят люди хмурые, ходят голодные. Вроде что-то едят, да вот ведь беда: без хлебушка-то и еда—не еда. Несытно, невкусно, обидно и грустно. Стали люди слабеть, стали люди болеть, стала чаще и чаще стучаться к ним Смерть.

Девочка Рая потихоньку плачет: поняла, что натворила, значит. Как беде помочь, догадаться не может. И кто ей, непутёвой, поможет?

Добрая птица, птица Синица, в окошко влетела, на форточку села.

—Девочка Рая! Я всё про беду твою знаю! Нужно найти тебе Дедушку Урожая. Пока на полях новая пшеница зреет, отправляйся-ка в путь поскорее!

Выбежала девочка на крылечко, а там кот Василий развалился беспечно.

—Котик, милый, помоги найти Дедушку Урожая, я дороги к нему не знаю!

—Ты угости меня хлебушком сперва! Хлеб—всему голова!

—Нет у меня ни корочки, ни крошки. Как-нибудь сама найду дорожку!

—Да ладно, так и быть, из города выберемся вместе, а там я останусь, буду ждать тебя в условленном месте. Я знаю, если хлеб раздобудешь, кота Василия не забудешь.

Вышли из города. Остановилась Рая, куда дальше идти—не знает. А под кустом лежит лохматый пёс, рваное ухо, чёрный нос, бездомный Барбос.

—Пёсик, милый, помоги мне найти Дедушку Урожая, я дороги к нему не знаю!

—Накорми меня хлебушком сперва. Есть хочу. А хлеб—всему голова!

—Нет у меня ни корочки, ни крошки. Видно, самой надо искать дорожку!

—Ладно уж, до пшеничного поля я тебя доведу, только в пшеницу с тобой не пойду. Сердится Дед за такие делишки. И ты, смотри, колосья-то не мни слишком!

...Дед Урожай сидел на пригорке, поле свое оглядывал зорко. Пшеничные брови нахмурил внезапно: откуда девчонка взялась, непонятно!

—Почто колоски мои мнешь, непоседа?

Но молит девчонка пшеничного Деда:

—Дедушка Урожай, добрый дедушка! Поскорее дай нам хлебушка!

А Дед в ответ:

—Не сумею, нет! Кто-то весь хлеб до скончания времени отдал проклятому серому племени. Слопают всё ненасытные крысы. Надо добраться до Клариссы, наглой колдуньи, прожорливой крысы. Кто победить негодяйку сумеет, тот и её колдовство одолеет.

Грустная Рая к Барбосу вернулась.

—Вот ведь как дело-то обернулось! Где мне, девчонке, с крысой сражаться? Я и мышей-то боюсь ужасно.

А Барбос ей:

—Ну что же, всё ясно. Придется опять мне с тобой отправляться.

Бредут по дорожке усталые, печальные. Дошли до города, кота Василия повстречали. Облизнулся кот:

—Вы хлебушка достали?

—Нет,—ответила девочка грустно.—Для этого крысу Клариссу победить нужно.

—Вообще-то крысы по моей части, да только это не простая крыса, к несчастью. Огромная, злобная и, что всего хуже, она ещё и колдунья к тому же. И всё ж не грусти, мы идём с тобой! Мы принимаем бой!

...Крыса Кларисса, гадкая крыса, в подвале сидела, хлебушек ела. Слышит—кот какой-то на улице завывает.

—Меня, что ли, дурак, вызывает! Ненавижу котов, сейчас устрою ему встречу, на куски разорву, загрызу, искалечу!

Выскочила—и на Василия. Тот и опомниться не успел, как на дерево пулей взлетел. А из-за дерева ринулся на Клариссу Барбос, рваное ухо, чёрный нос.

—Давай-ка, серая тварь, разберёмся, давай-ка, красавица, с тобой подерёмся! Ну-ка, готовься к смертному бою! Сейчас я навеки тебя успокою!

Испугалась крыса Кларисса, через голову перевернулась, серенькой, седенькой старушонкой обернулась. В руках у старушки железная палка.

Рае и страшно, и Барбоса жалко. Зашептала молитву и, набравшись духу, вышла вперёд и перекрестила старуху. Серым дымком растаяла крыса, крыса Кларисса, злобная крыса.

А в городе шум и радость: это же надо! Идет по улице Дед Урожай, несёт на блюде большой каравай, большой каравай и сдобный—кушайте, люди добрые!

А ты, девчонка, крепко-накрепко запомни слова: хлеб—всему голова!

Ночная сказка

По палате, по палате ходит в тоненьком халате, изогнувшись, как дуга, наша Бабушка Яга. По углам тихонько рыщет. Неужели сказку ищет? Очень хочется найти, чтобы внучке отнести.

Тихо в Абагуре Лесном, всё укрыто сном. Дремлет под кустом тишина, сладко зевает Луна, даже ветерок-озорник к травке зелёной щекою приник.

Кто же в посёлке уставшем не спит? Чьё же сердечко тревожно стучит? Это котёнок Триша бродит по крыше.

—Тришенька, кис-кис-кис, иди домой!—зовёт во дворе Малышка.

Но не спускается с крыши задумчивый Тришка. Ходит, усатую моську поднявши к небу. Мерещится глупышке всякая небыль. Будто сидит на Луне его мама Кошка, выглядывает в окошко.

—Хочу на Луну! К маме хочу! Вот сейчас подпрыгну—и полечу!

Подпрыгнул и плюхнулся снова на крышу—не выросли крылышки у Триши.

Летит мимо в ступе Бабушка Ёшка.

—О чём ты так горько рыдаешь, крошка?

—Хочу на Луну! К маме хочу! Прыгаю, прыгаю, а всё никак не полечу!

—Вот ведь глупыш, наказание прямо! Что делать, скажи, на Луне твоей маме? Спит дома она на тёплой перинке, возле дивана в плетённой корзинке. Хочешь, я тебя вниз прокачу?

А Тришка—своё:

—На Луну хочу!

—Ну и настырный! Что делать мне с ним? Лезь ко мне в ступу! Ну что ж, полетим!

...Сказка волшебною ленточкой вьётся, ступа с Ягою по небу несётся. Звезды мелькают.

—Котёнок, смотри!

—Бабушка, что это, фонари?

Ёшка смеётся, аж ступа трясётся, дальше и дальше со свистом несётся.

—Бабушка, что-то уж страшно мне слишком!

—Скоро посадка. Не бойся, глупышка!

Плюхнулась ступа на лунную гору и ни туда, ни сюда, вот умора!

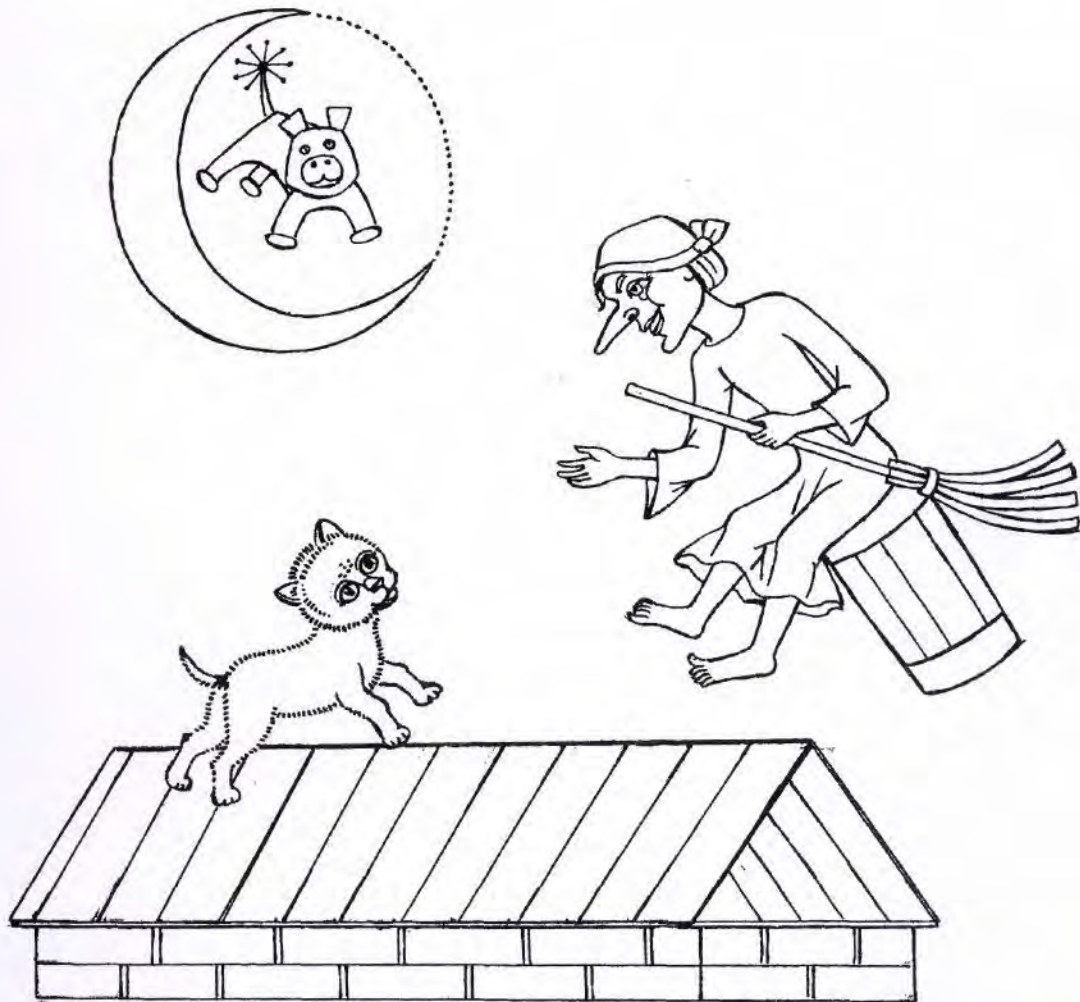
—Ну, вылезай, свою маму ищи! Если найдешь её—в ступу тащи! И улетим поскорее обратно, что-то сидеть здесь не слишком приятно. Я пока ступу свою подлатаю.

—А где моя мама?

—Откуда я знаю? Дома, в корзинке скорее всего. Зря прилетели. Ну да ничего!

Тришка из ступы клубочком свалился и по горе прямо в пыль покатился. Кашляет бедный котёнок, чихает, лапкой глазёнки свои протирает.

...Катится сказка по лунной дорожке к лунной маме Кошке. Лунная Кошка котят накормила, всех причесала, гулять отпустила и наказала им настрого-строго, чтоб не сходили с лунной дороги.

Тришка до лунной дороги добрался—и обомлел, и совсем растерялся. Скачут навстречу громадные звери. Кошки? Не кошки? Хвост, как пропеллер, уши квадратные, нос пяточком. Тришка—на гору, скачок за скачком, в ступу свалился, в угол забился.

Баба Яга оглянулась украдкой. Видит, что дело, увы, не в порядке. И закричала пронзительно-строго:

—Кто там маячит на лунной дороге? Кто вы такие, скажите, ребята?

А те отвечают ей:

—Мы—котята!

—Вот,—сказала Тришке Бабушка Ёшка,—если такие котята, представляешь, какая у них мама Кошка? Хочешь к ней в гости?

—Ой, нет, не хочу! Лучше скорее домой полечу!

...Сказка волшебной ленточной вьётся. Ступа с Ягою на землю несётся. Тришка притих и уснул в уголочке, бедный котёнок намаялся очень.

Солнечный лучик забрался в корзинку, нежно котёнка погладил по спинке. Тришка зевнул, зафырчал отчего-то, мирно проснулся у мамы под боком. Был на луне или не был, глупышка—сам не поймет теперь маленький Тришка. Только глаза его тайной одеты—ночью горят они лунным светом.

Про Хламище Окаянище

*Моя малышка! Ты уже устала. Как быстро ночка тёмная настала!
Осенний холод и осенний мрак. А ты в кроватку не идёшь никак. Ты
тихо-тихо полежи немножко—и добрый сон найдёт к тебе дорожку. И
сам придёт, и сказку приведёт.*

В дальнем-дальнем лесу на маленькой горушке в небольшой избушке жили-поживали, годы коротали старичок-лесовичок и старушка-лесовушка. Дружно жили, лес сторожили. Из года в год, из века в век не потревожил их человек.

А кругом красота—глаз не отведёшь! И грибов, и ягод сколько хочешь, найдёшь. Мирно жили в лесу и звери, и птицы. Могли старички своим лесом гордиться.

И были у них два помощника, два медведя: хлопотунья Маша и ворчун Федя. Такие мирные и ласковые с виду, они не давали лесовичков в обиду.

И всё бы ладно, всё бы прекрасно, да однажды осенним утром ясным неожиданно с верхушки ёлки высокой закричала тревожно Сорока. Попрытались звери, разлетелись птицы, выжидают: что же такое случится?

Наполнился лес и гулом, и криком, и беспокойством, и шумом великим. С корзинами, ведрами и рюкзаками люди приехали за грибами. До самого вчера машины гудели, а старичок-лесовичок и старушка-лесовушка, в избушке спрятавшись, сидели. И ночью-то, бедные, глаз сомкнуть не посмели.

А утром солнышко ясное выкатилось из-за горушки, осветило и лес, и избушку-вековушку. Вышли старички, на завалинке посидели, на солнышке косточки погрели и пошли поразмяться, по лесу прогуляться. По сторонам поглядели—и обомлели: лес не лес, а какая-то свалка, которую и лесом-то назвать жалко. Банки, бутылки, бумажки и тряпки повсюду разбросаны в беспорядке.

Старичок-лесовичок затряс бородою.

—Да что же это делается такое? Пойдем, старушка, лес прибирать, мусор убирать, а то ни звери, ни птицы здесь не будут водиться!

Смотрят: а бутылки и банки вдруг вместе собираются, друг к другу подбираются. Закрутились винтом—и вырос из мусора зверь непонятный, тощий, неопрятный и ужасно противный притом—Хламище-Окаянище. Костями грохочет, на весь лес хохочет:

Вдоль дороги по кустам—

Хлам, хлам, хлам, хлам!

По нехоженным местам—

Хлам, хлам, хлам, хлам!

Я—великий, многоликий,

Я—бумажный, я—железный,

Я—пластмассово-полезный,

Я—бутылочно-стеклянный,

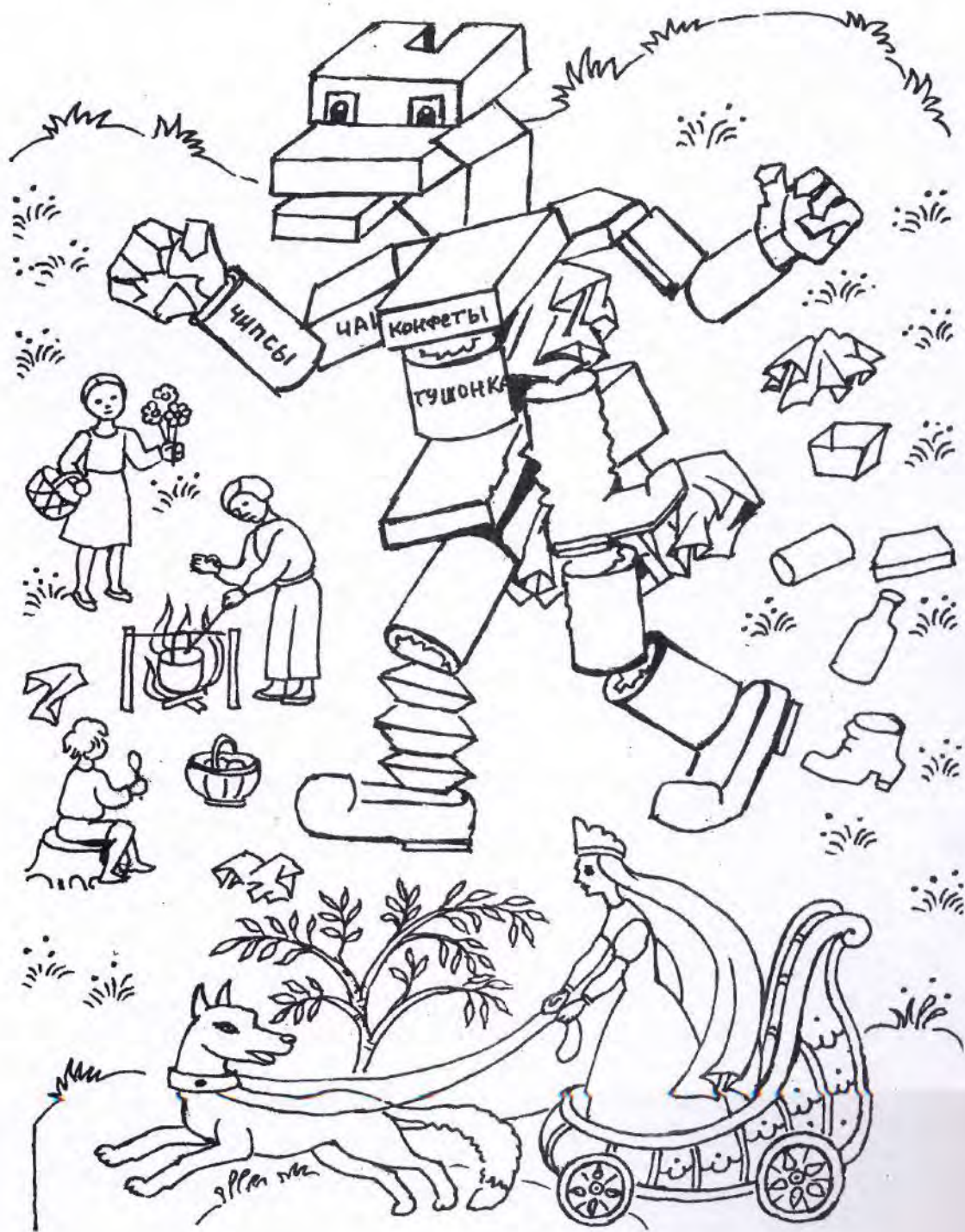
Я—проклятый, окаянный!

Поселюсь в твоём лесу—

Много горя принесу!

Испугались лесовички, кликнули медведей. Прибежали хлопотунья Маша и ворчун Федя. Зарычали грозно, встали на задние лапы. Что осталось делать Хламищу-Окаянищу? Только драпать. Раскатился он мусором по кусточкам, по канавам и кочкам, да всё подальше, да всё в сторонку, чтоб не достали медведи ни одну бумажонку. Собрался в кучу, завертелся винтом, и снова стал Хламищем-Окаянищем, зверем тощим и очень противным притом. Заворчал, застучал костями железно-стеклянными, окаянными:

Вдоль дороги по кустам—

Хлам, хлам, хлам, хлам!
По нехоженным местам—
Хлам, хлам, хлам, хлам!
Я—великий, многоликий,
Я—бумажный, я—железный,
Я—пластмассово-полезный,
Я—бутылочно-стеклянный,
Я—проклятый, окаянный!
Поселюсь в твоём лесу—
Много горя принесу!

Что делать? Как до Хламища-Окаянища добраться? Сколько можно по лесу за ним гоняться? Приуныли старички-лесовички, притихли медведи. Только слышат: кто-то поёт и по лесу едет. Смотрят—а это Лесная Царица на огромной огненно-красной лисице. Едет—удивляется: что это столько мусора в лесу валяется?

—Убрать немедленно весь этот хлам!

А лесовички в ответ:

—Да не справиться нам! Это не просто хлам, это—Хламище-Окаянище, зверь непонятный, тощий, неопрятный.

—Не вижу никакого зверя и вам не верю!

Лесная Царица нагнулась, за бумажкой потянулась, поднять захотела. А бумажка от нее улетела. Собрался весь мусор в кучу и завертелся винтом, стал Хламищем-Окаянищем, зверем тощим и очень противным притом. Бутылками зазвенел, банками консервными застучал, на весь лес закричал:

Вдоль дороги по кустам—
Хлам, хлам, хлам, хлам!
По нехоженным местам—
Хлам, хлам, хлам, хлам!
Я—великий, многоликий,
Я—бумажный, я—железный,
Я—пластмассово-полезный,
Я—бутылочно-стеклянный,
Я—проклятый, окаянный!
Поселюсь в твоём лесу—
Много горя принесу!

Не испугалась Царица Лесная:

—Ишь ты, невидаль тоже какая! Вот так зверь! Просто куча хлама! Плачет по тебе хорошая яма!

Рукой махнула—земля расступилась, глубокая яма получилась. Свалился туда Хламище-Окаянище, выбраться не смог, на дне залег.

Засмеялась Лесная Царица:

—Вот так годится!

Старички-лесовички отпустить её не хотят, и всё тут. Хламище исчез, да осталась забота.

—А если снова приедут люди, что мы, Матушка, делать будем?

—Попросите Машу, попросите Федю, пусть приведут они в лес медведей!

Успокоился лес. Уехала Лесная Царица на огромной огненно-

рыжей лисице. Старички-лесовички вернулись в свою избушку-вековушку, живут-поживают, чаёк попивают. Хмурится небо или солнышко светит, лес—он прекрасен и радостно светел. В шепоте листьев, в дыхании ветра столько отрады и радости светлой! Нежные звуки и чистые краски, лес—это самая дивная сказка!

Да только опять загудели машины, люди с корзинами в лес заспешили. И заспешили Маша и Федя звать на подмогу соседей-медведей. Зашли они в лес, зарычали, поднялись на задние лапы—испугались люди и давай драпать! В этот лес они вернутся нескоро, да оставили мусора целую гору. И опять по лесу застучало и забренчало:

Вдоль дороги по кустам—
Хлам, хлам, хлам, хлам!
По нехоженным местам—
Хлам, хлам, хлам, хлам!
Я—великий, многоликий,
Я—бумажный, я—железный,
Я—пластмассово-полезный,
Я—бутылочно-стеклянный,
Я—проклятый, окаянный!
Поселюсь в твоём лесу—
Много горя принесу!

Не растерялись Маша и Федя, научили медведей, окружили они Хламище-Окаянице, к яме погнали, в яму загнали. Он оттуда выбраться не смог, на дне залёг.

Да только на этом не кончились беды старушки-лесовушки и лесовичка-деда. Нагрянули в лес браконьеры-негодники, за медвежьими шкурами охотники. Услыхали, что в этом лесу есть медведи. Спасайся, Маша! Спасайся, Федя! От выстрелов горестно лес задрожал. Кто смог—улетел, а кто смог—убежал. Безрадостно стало в лесу отчего-то. Охота! Охота! Охота! Охота!

Да только охотники вдруг замечают: рыжий огонь за кустами мелькает.

—Спасайтесь! Из леса скорее бежим! С пожаром не шутят! Погибнем! Сгорим!

Охотники с шумом из леса умчались, перепугались, в машины забрались. А это всего лишь Лесная Царица промчалась на огненно-рыжей лисице. Взмахнула рукою—исчезла горюшка, исчезла с лесовичками избушка. И лес зачарованный тоже исчез, скрылся, будто сквозь землю провалился. И стало на том месте отчего-то огромное непроходимое болото.

Ждёт Лесная Царица, когда люди добрыми и мудрыми станут, в лесу безобразничать перестанут.

Про Удава

Сладко дремлет тишина. Спит гитара у окна. Чёрный кот уснул в углу, за кроватью на полу. Ночь в окошко к нам глядит. Где ты, сказка? Приходи!

В дальней-предальной жаркой стране, не известной ни тебе, ни мне, среди гигантских деревьев и буйных трав жил огромный Удав.

Не любили Удава ни птицы, ни звери. В тихий нрав его никто никогда не верил. И совсем никому с ним дружить не хотелось. Только маленькая злодейка, ядовитая Коралловая Змейка, возле него всё время вертелась.

—Зачем тебе друзья? У тебя есть я! Плохо другим или нет—пусть будет тебе безразлично. Ты думай о себе лично. Если и съешь мартышку-другую, джунгли не заметят потерю такую. Ты, Удав, всегда прав! Ты сильнее Гривастого Льва, а сила—она всегда права!

И решил Удав, что ему всё позволено, всё подвластно, что ни перед кем не стоит извиняться напрасно, что нужно по жизни идти напролом, не думая ни о чём, ни о ком.

—Я, Удав, всегда прав!

И до того возгордился, до того возгордился, что на Священной горе поселиться решился. Ползёт, забирается, а маленькая злодейка, ядовитая Коралловая Змейка, от него отставать не собирается, вокруг него увивается:

—До чего же ты огромный! До чего же ты красивый! А главное—до чего же сильный! И пусть пуста твоя голова, сила—она всегда права!

Ползли и пыхтели, что было мочи. Наконец взобрались. Устали очень.

—Эх,—говорит Удав,—искупаться бы надо!

А маленькая злодейка, ядовитая Коралловая Змейка, в ответ ему:

—В чём же дело? Вот оно, озеро, рядом!

...В Священном озере вода голубее небесного свода, который смотрится в эту воду, прозрачней слезы и целебней бальзама. Не раздумывая долго, Удав с берега бултыхнулся в озеро прямо.

Зашаталась гора, загремело вокруг, и явился разгневанный Горный Дух.

—Как посмел ты такое? Никто доньше не тревожил вод Священного озера—зеркала Черноликой Богини!

—Я, Удав, всегда прав! Я сильнее Гривастого Льва, а сила—она всегда права!

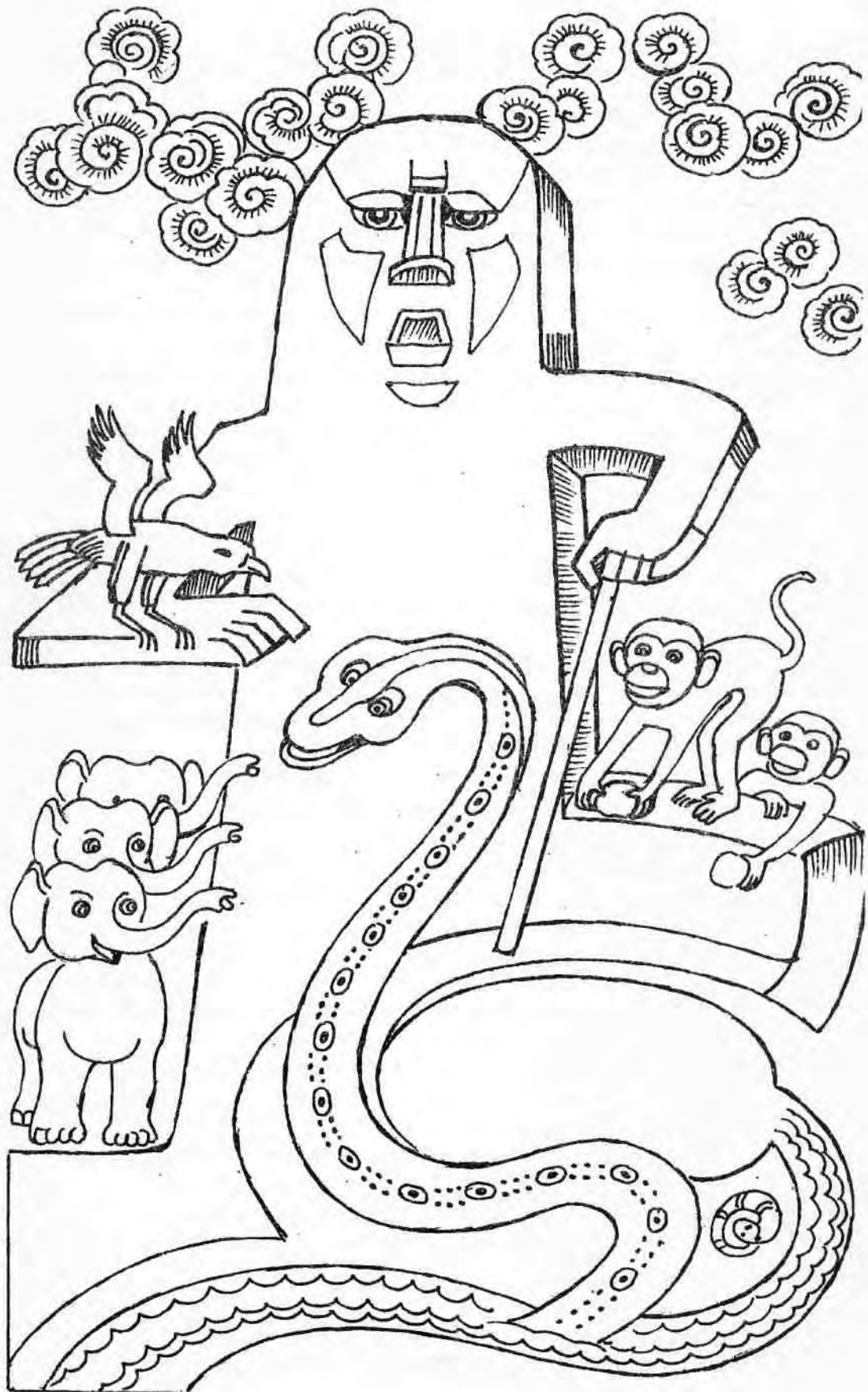
Горный Дух от ярости аж трясётся.

—Испоганил воду, теперь спускать её придется. Ты просто громадный безмозглый червяк, вот так!

Ударил каменным посохом по берегу, по самому краю—обвалился берег, и вниз с горы побежала речка небольшая. Плыёт по ней глупый Удав и бормочет упрямо:

—Всё равно я прав!

А маленькая злодейка, ядовитая Коралловая Змейка, от ужаса онемела, окаменела. Лежит у берега как коралловая брошка, кем-то в пыль брошенная.

...Прекрасная Черноликая Богиня над джунглями полетела, в своё зеркальце посмотреть захотела. А зеркальца-то и нет—вместо озера чаша пустая, какая-то впадина простая.

Рассердилась Богиня:

—Кто всё это устроил, не знаю, только будет джунглям беда большая. Пока не наполнит вода эту чашу пустую, будут с неба падать и падать холодные чистые струи!

...И открылись небесные водопады, хлещут на землю день за днём, не зная пощады. Вышли из берегов речушки и реки. Кажется, джунгли промокли навеки. Холод повсюду и жуткая сырость. Шкуры звериные мхом покрылись. Громко чихают слоны-великаны, а с неба всё падают и падают холодные водопады.

Слетел со Священной горы несчастный промокший Орёл.

—Это Удав окаянный всех нас подвёл! Захотелось в Священном озере ему искупаться, а нам теперь приходится отдуваться! Разрушил берег разгневанный Горный Дух—вода не держится в озере, выливается, чаша всё не наполняется и не наполняется. Пуст водоем. Камнями бы надо заложить пролом.

Но взмолились звери:

—Мы камни таскать не умеем! Вот разве слоны?..

А слоны:

—Мы б не прочь, да только в гору нам лезть невмочь, мы неуклюжие и тяжелые слишком!

И полезли на гору маленькие проворные мартышки. Забрались, а что делать дальше—не знают. Быстрая речка из озера вытекает, наполняться ему не даёт. Ох, долго ещё будет мокнуть звериный народ!

Подумали, подумали мартышки, за работу дружно приняться решили, в разные стороны за камнями заспешили. Небольшие камни, да натаскали их огромную кучу, столкнули в речку с береговой кручи. Закрыли камни воде дорогу, стало озеро наполняться понемногу.

Прекрасная Черноликая Богиня выглянула из-за лохматой тучи.

—Ага! Вот так-то оно лучше! Запомните, мартышки, мои слова: дружба, она всегда и сильна, и права! На Священной горе зеркальце снова мерцает. Выключаю дожди! Пусть земля просыхает!

...Под пылающим солнцем сушат джунгли деревьев промокшие юбки, сушат звери свои промокшие шубы и шубки. А мартышки повторяют и повторяют волшебные слова:

—Дружба—она всегда и сильна, и права!

Выполз огромный Удав на охоту:

—Давненько мартышками не закусывал я что-то! Согрелся, можно бы и подкрепиться!

А навстречу слоны:

—Не советуем торопиться! Мы в обиду друзей своих не даём, вмиг растопчем и на куски разорвём! Убирайся подальше и запомни, хоть и пуста твоя голова: сила—она не всегда права!

Про Трусишку

Тихо-тихо, сладко-сладко сон крадётся к нам украдкой. Всем, кто закрывает глазки, он рассказывает сказки. Две ладошки под щекой—спи, малышка дорогой!

Как в саду ли, в огороде хороводы птицы водят, как на солнышке, на крыше хороводы водят мыши. А у Бабушки внученок—замечательный ребёнок. Ромка-шалунишка, весёлый мальчишка. Он проказничать может с утра и до ночи, посидеть ни минутки спокойно не хочет, а когда засмеётся великий проказник—наступает для Бабушки маленький праздник.

Но однажды Бабушка в магазин пошла, а внученка малого дома заперла. Наказала огорчённому малышу:

—Посиди, поиграй! Я быстро. Я очень спешу.

Вот и остался один-одинёшенек Ромка-шалунишка, весёлый мальчишка. А в квартире вдруг всё изменилось, хоть всё и осталось на своих местах. Из тёмных углов наползает томительный Страх, то огромным пауком прикинется, то лохматою мордой надвинется, то костлявой рукою в окно постучит...

Ромка испугался, как закричит, побежал, с испугу налетел на стенку, упал, разбил коленку, заплакал, ещё больше испугался и, дрожащий, под бабушкину кровать забрался. Смотрит—а там в уголочке на вышитой подушечке сидит старый гном Домовушечка и пьёт молоко из маленькой кружечки. Затопал на Ромку ножками с красными сапожками.

—Ты зачем под чужую кровать забрался?

А Ромка в ответ:

—Я ужасно перепугался. Там...там... жуткий Страх живёт во всех углах, меня обидеть хочет. Я боюсь его очень!

—Вот и зря! Страху не нужно бояться, со Страхом нужно сражаться. Смело идти ему навстречу должен ты, маленький человечек! Если же жуть на тебя найдёт, засмейся—и всё пройдёт.

Вылез Ромка из-под кровати. Жутко! В угол посмотрел—и вдруг давай смеяться.

—Какой же я глупый! Нашёл чего испугаться! С перепугу разглядеть как следует не смог, что это вовсе не паучище, а просто большой лохматый цветок!

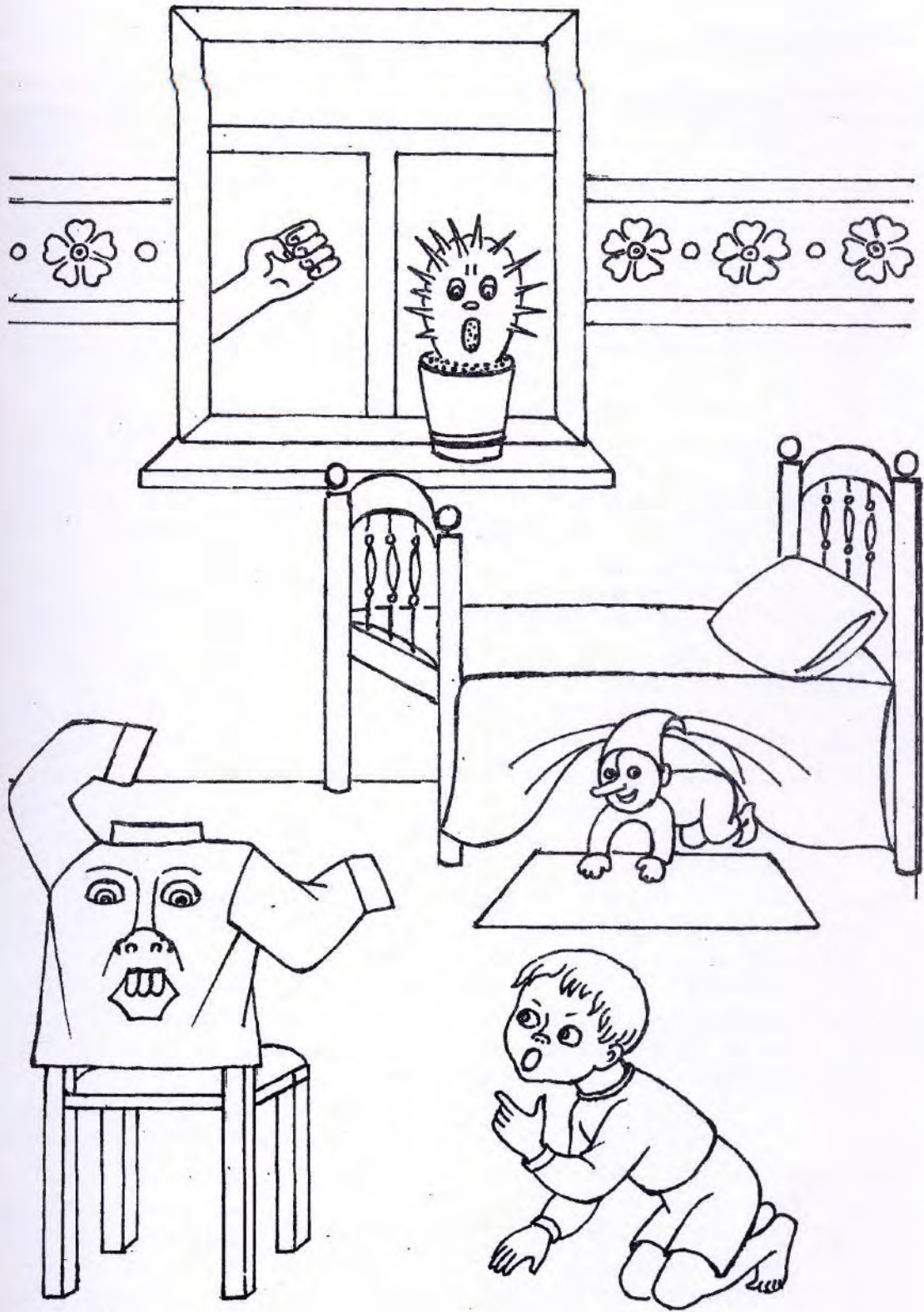
В другую сторону глянул совсем уж без страха—на стуле валяется смятая отцовская рубаша. К окну подбежал: в окошко синица клювом стучит—вот озорница!

Всё стало понятно. Всё стало прекрасно. Не надо реветь и бояться напрасно. И можно играть на ковре в уголочке с хорошеньким плюшевым рыжим щеночком.

Бабушка тихо в квартиру вошла, внуку мороженое принесла. Рядом присела—ну это же надо! Разбита коленка у милого чада.

—Бабушка! Ну и ладно! И пусть! Я зато теперь ничего не боюсь!

Молодец, Ромка-шалунишка! Отважный мальчишка!

Про барсука Еремея, который считал себя всех умнее

*Заря-Заряница, красная девица, по свету летала, сказки собирала.
Спрятала Танюшке сказку под подушку. Ляжет Танечка в кровать—
будет сказку искать.*

Не за реченькою быстрой, не за рощею тенистой—за высокою горой, за широким полем чистым, в стороне совсем не близкой старый лес стоит стеной.

В нём лесного народу, считай—не сочтёшь: проживают там Заяц и Ёж, и медведь, и Лиса, и Енот. Но пока расскажу тебе про Барсука.

Барсук Еремей вырыл нору среди корней и прочно обосновался в ней. Такой толстый, такой важный.

—Умный, наверное!—сболтнула Сорока однажды.

И Еремей загордился. Зверёк попадет в беду или птица, ворчит на весь лес:

—Такого со мной не случится!

Услыхала однажды всё это Лиса, хитрые глаза, любопытный нос, рыжий хвост.

—Ну, погоди, Еремей! Не считай себя всех умней! Быстро важничать отучу—проучу!—и тенистой тропинкою колкой побежала к Серому Волку.

Серый Волк Лисе обрадовался не слишком.

—Какие тебя привели делишки? Зубы мне заговаривать брось: дружба—дружбой, добыча—вросы!

А Лиса так и ластится, так и тает, травку рыжим хвостом подметает.

—Что ты, Серый! Подумаешь, пару раз получилась размолвка у нас. Я тебя уважаю и даже слишком. Тут в лесу живет барсучишка, барсук Еремей, который считает себя всех умней. Разве гордому Волку такое снести? Ты не хочешь его навестить? Когда ещё выпадет такой случай? Очень вкусное мясо барсучье!

—Так-то так, да ведь я хитрить не умею, а когти у него моих подлиннее, да к тому ж барсуки—народ не робкий. Проходи-ка, Лиса, своею тропкой. Я устал, я пробежал целую ночь и теперь отдохнуть не прочь. Убирайся! Не зли меня лишний раз!

И Лиса назад подалась. Идет, не печалится.

—Что ж, неудача. Не вышло так. Изловчусь иначе! Есть у меня и другие дела. И по дорожке к деревне пошла.

—Пожалуй, курятинки я бы поела!

И вдруг, как вкопанная, присела: капкан на дорожке, упрятанный ловко. Да разве обманешь такую плутовку?

—Ну,—пропела Лиса чуть слышно.—Не может быть, чтобы дело не вышло. Пришла, Еремей, твоя пора: тебе—капкан, мне—барсучья нора! Я тебя важничать отучу-проучу. Не считай, Еремей, себя всех умней!

А Еремей на пригорке тенистом возле норы свою шубу чистил. Устал и прилег: нелегка работа! Слышит, к норе подходит кто-то.

—Здравствуй, Лиса, хитрые глаза, любопытный нос, рыжий хвост.

Что это ты ко мне завернула?

—Ах, Еремей!—Лиса вздохнула.—Ты такой толстый, такой важный, умный к тому же—знает каждый. Ты мне поможешь наверняка—очень хочу я птичьего молока! Оно в кадучке под старой сосною, я одна его не отрою.

Барсук загордился: никто пока не пробовал птичьего молока.

—А где та сосна?

—По тропинке иди, увидишь камень большой впереди. Его обойдешь—на дорожку выйдешь и сразу большую сосну увидишь. Ты иди, а я забегу за кружкой—неудобно пить из кадучки.

Спешит Еремей, а навстречу Ёж.

—Куда ты, глупый барсук, идёшь? Смотри, обманет тебя Лисица!

А Еремей в ответ:

—Такого со мной не случится!

Камень обошёл, на дорожку вышел, задирает нос всё выше и выше.

—Где ты сосна? Не возьму я в толк.

Вдруг за хвост его что-то—щёлк! Горе какое, беда какая—капкан Еремея не отпускает. Когти барсучьи землю скребут—напрасно! А Лиса уже тут как тут.

—Видали глупого барсука? Захотел он птичьего молока! Такого напитка не было сроду—пил бы ты лучше чистую воду!—и тенистой тропинкою колкой побежала к Серому Волку.

Волк как раз в это время проснулся, с боку на бок перевернулся, глядь—а перед ним опять Лиса, хитрые глаза, любопытный нос, рыжий хвост.

—Ценишь меня ты, Серый, мало, а я для тебя барсука поймала. Сидит он в капкане и горько плачет. Когда ещё будет такая удача?

—Верно, Лиса, пора пообедать. Теперь я не прочь барсука проведать. Тебя на обед я не приглашу. Попробуешь сунуться—укушу! Я тебя, рыжая, вижу насквозь. Дружба—дружкой, добыча—врозь!

И помчался Волк по лисьему следу добывать себе легкую победу. До капкана добрался—не обед, маета: половина барсучьего хвоста!

Плюнул Серый с досады:

—Вот так добыча! Хвосты оставлять—что за новый обычай?—и, несолоно хлебавши, отправился восвояси.

А Еремей в норе сидит, опухший от слёз: чтобы жизнь спасти, пришлось перегрызть ему хвост!

...День пролетел, и другой, и третий. Жизнь продолжается. Солнышко светит. Погрустнел барсук, поскромнел и при том остался навеки с коротким хвостом.

А Лису тоска великая гложет: о барсучьей норе забыть не может.

—Ах, если не придумаю ничего к утру, от тоски и досады умру!

Всю ночь Лисица строила планы, а утром встала раненько-рано и по тенистой тропинке колкой побежала к Серому Волку.

—Как обхитрить барсука, я знаю!

—Не пойму, однако, тебе в том корысть какая? И что ты к нему привязалась, Лисица?

—Нора барсучья наяву мне снится! Ты только сделай, как я скажу, а я тебе, Волченька, отслужу!

—Вообще-то я зол на него, это верно, к тому же вчера пообедал прескверно. Неплохо было бы подкрепиться. Ну что ж, давай, говори, Лисица! Но только морочить мне голову брось: дружба—дружбой, добыча—врозь!

...И вот по тенистой тропинке колкой плетется жалкое подобие Волка: лапы трясутся, опущен нос, серую тряпкой болтается хвост.

—Еремеюшка, Еремей! Выходи ко мне поскорей! Умирать мне пришла пора, да завалилась моя нора. Негде Серому голову приклонить, негде бедного похоронить. Еремеюшка, слышишь, тебя я зову!— И завыл так жалобно:—У-у-у! У-у-у! У-у-у!

Затаился барсук, что делать, не знает: не кто-нибудь, Волк его вызывает. Волк—не Лиса, он хитрить не умеет, но все-таки боязно Еремею.

А Серый Волк у входа в нору:

—У-у-у! У-у-у! Не гони меня, Еремей, пожалей меня, пожалей! Ну что тебе стоит чуть-чуть потрудиться? Дело мастера, всяк знает, боится. А ты не просто мастер, а великий к тому же. Ну помоги, помоги мне, ну же!

Не усиделось тут Еремею:

—Только я, как надо, вырыть сумею!

Вылез из норы, а навстречу ему Ёж:

—Кого ты слушаешь, Еремей? Пропадёшь!

—Волк—не Лиса, он хитрить не умеет, а мастера равного нет Еремею!

И пошел барсук вместе с Волком по тенистой тропинке колкой. Пришли на место. Еремей развернулся, к Волку коротким хвостом повернулся, забыл обо всём. Знай, роет и роет.

А Волк зубастую пасть как раскроет, уши торчком, напружинены лапы, готов хватать, кусать и царапать!

Ох, Еремей, обернись-ка скорей!

Ох, пропадёшь, пропадёшь, Еремей!

Волк совсем уж готов к атаке, но тут вдалеке залаяли собаки. Подскочил барсук, обернулся, работу бросил и оказался с Волком носом к носу. И такая меж них завязалась драка, что спасли Еремея лишь показавшиеся собаки. Тут уж лапы только бы унести да шкуру собственную спасти!

Время бежит, шелестит листвой, снегом проносится над головой. На память о драке остались у барсука две чёрные полосы на мордочке по бокам. Поумнел Еремей, да много ли толку? Барсучья нора частенько достаётся Лисе или Волку. Лишь почует он лисий или волчий запах—такая прыть во всех четырех лапах!

Откуда у Ёжика колючки

Милая внученька, мой колокольчик! Вечер навстречу торопится ночи. Солнышко спать улеглось под горою. Кто-то тебя одеялком укроет? Ласковый маленький гном Домовушечка, внученьке сказку упрячь под подушечку! Пусть ей подарит ласковый сон тихий дружок твой Угомон!

Не близко и не далёко, в лесочке у города под боком жил да поживал ёжик Ёжка, короткие ножки, ласковый душка, весёлый топотушка. Ходил он в мягонькой серенькой шубке, без дела не сидел ни минутки, топал вдоль лесных дорожек, выискивая гусениц, личинок и сороконожек.

—Доброе утро!—кивали ему Ромашки.—Посмотри, какие на нас чистенькие белые рубашки!

—Доброе утро!—звенел Колокольчик несмело.—Ох, до чего ж эта долгая ночь надоела!

—Добрая утро! Позавтракай нами!—просили его Землянички.—Рядом попей родниковой прозрачной водички!

Очень любили цветы и кусточки маленького серенького дружочка.

Так день за днем пролетали недели. Не обижали ни птицы, ни звери ёжика Ёжку, короткие ножки, ласкового душку, весёлого топотушку.

Но надо же было такому случиться: в этот лес заглянула Лисица, красotka лесная, шуба золотая, известная хитрюга, жадного Серого Волка подруга.

—Неужто голодной ходить мне до завтра? А вот и нет, кем-то вкусненьким запахло.

Подкралась и видит: какой-то зверёк возле пенечка личинку жуёт.

—Вот этот обед мне как раз подойдёт!

Бросилась на Ёжку Лисица, едва-едва тот успел в норку под пень забиться. Сидит и дрожит, сжался в комочек и даже носа из норки высунуть не хочет. А Лиса не уходит, улеглась возле пня.

—Никуда ты, дружочек, не уйдёшь от меня!

День лежала, и вечер, и ночь напролёт. Вот уже солнце над лесом с улыбкой встаёт. Просыпается лес. Где же, где же ты, Ёжка, короткие ножки, ласковый душка, весёлый топотушка?

—Очень печально!—качаются дружно Ромашки.—Кто же похвалит наши чистенькие рубашки?

И прозвенел Колокольчик уныло:

—Видно, беда с нашим ёжиком приключилась!

Кустики нежные Земляники от огорчения дружно поникли.

Птица Синица, добрая птица, к Ёжкиной норке полетела, возле Лисы на пенёчек села.

—Что ты лежишь здесь, красotka лесная, шуба золотая, известная хитрюга, жадного Серого Волка подруга?

—Не твоё дело! Может, дружка своего поджидаю, может, на ромашке гадаю. Улетай, а не то в когти ко мне попадёшь, тогда, посмотрим, как запоешь!

Птица Синица, добрая птица, вздохнула, вспорхнула и полетела

рассказать всему лесному народу про Ёжкину невзгоду.

Опечалились цветочки, кусточки:

—Личинки, жуки, гусеницы поедят на нас все листочки! Очень он нужен нам, ёжик Ёжка, короткие ножки, ласковый душка, весёлый топотушка. Помогите нам, звери и птицы, прогнать Лисицу!

Из земляной норы вылез старый и мудрый Крот.

—Я слепой, а кто ж из зверей на Лисицу пойдёт? В нашем лесу проживают лишь мыши да зайцы, а среди них откуда храбрецу взяться? Придётся вам, птицы, потрудиться, спасти нашего Ёжку, короткие ножки, ласкового душку, весёлого топотушку!

...Лежит возле пня Лисица, томится. Поймать бы другого кого-то, да от норы уходить неохота. Лежит и видит: летит громадная птичья стая, полнеба закрывает.

Красотка лесная, шуба золотая, известная хитрюга, жадного Серого Волка подруга испугалась, к земле прижалась. А стая опускается всё ниже и ниже, всё ближе и ближе. Рванулась Лисица бежать, да куда там—напрасное дело! В клочки её рыжая шуба во все стороны полетела. И когти, и клювы работают, не уставая. Еще бы немножко—пропала б красотка лесная. Убралась она подобру-поздорову едва живая.

—Ну,—думает,—погоди! Мы еще встретимся, Ёжка, на узкой дорожке!

Вылез ёжик из норки и заплакал горько:

—Всё равно поймают меня Лисица. Куда бежать, куда от неё скрыться?

А с берёзы ему птица Синица:

—Не плачь, Ёжка! Поможет тебе старый и мудрый Крот. Он и на Лису управу найдёт!

Мудрый Крот раздумывал недолго:

—Тебе бы, ёжик, вместо серой шубки—иголки. Где их раздобыть? А давай попросим у Ёлки!

Ёлка-красавица встретила их приветливо и радушно:

—Мои иголки? А много их нужно?

—Да совсем немножко, на шубку для Ёжки.

Махнула Ёлка мохнатого лапою—и стала колючей шубка лохматая.

Бежит по лесу Лисица, а навстречу ей Ёж.

—Наконец-то встретились! Теперь ты, дружок, от меня не уйдёшь!

Кинулась на Ёжку, а он свернулся в колючий клубочек, вот и попробуй укуси его, как хочешь! Сунулась Лисица мордой в колючки—и жизни не рада, кружится, воет, а с берёзы добрая птица Синица:

—Так тебе и надо!

Ёжка фыркает, топочет. А старый мудрый Крот вылез из норы и хохочет:

—Не будешь обижать нашего Ёжку, короткие ножки, ласкового душку, колючего топотушку!

С тех самых пор, и все это знают, ёжики в шубках колючих гуляют и не боятся ни Лисицы-хитрюги, ни её жадного Серого Друга.

Про Подснежник

За окном снежок кружится и на землю спать ложится. Тишиной укрыв бульвары, засыпает город старей. Видно, сказка где-то рядом, и тебе в кроватку надо!

Не поверите, но такое бывает: Метелиха-Заморозиха злая Весну в свои владения не пускает. Просят, зовут и звери, и птицы:

—Весна, приходи!

А Метелиха-Заморозиха злится:

—Нечего делать здесь ветреной этой девице!

Просит Метелиху-Заморозиху Бабушка Ёшка:

—Слетай на Север! Отдохни хоть немножко! От холода всё у меня болит, у меня, у старой, радикулит!

А та в ответ:

—Ну, нет! Сиди в своей избушке на курьих ножках да выглядывай в окошко! В чужие дела не лезь-ка, слышишь? А то заметелю по самую крышу!

Полетели по небу чёрные птицы:

—Земля умерла! Земля умерла! Она никогда не возродится!

Бабушка Ёшка повздыхала, побряхтела, ступу достала, к Деду Всеведу полетела.

Дед Всевед открыл ей двери с натугой.

—Заходи, заходи, подруга! Ишь как Метелиха-Заморозиха разгулялась! Еле-еле, поди, до меня ты добралась. Давненько не прилетала в гости. Садись к печке, погрей старые кости!

Сидит Бабушка Ёшка у печки и вздыхает.

—Ох, беда-то какая! Что и делать, не знаю: Метелиха-Заморозиха злая Весну в лес не пускает!

Дед Всевед покачал головою:

—Трудное это дело, не скрою! Победить холодную эту снежность смогут лишь теплота и нежность. Должен кто-то с любовью к Земле прижаться, отогреть её, уснувшую, постараться. Проснётся Земля от зимнего сна, свободно вздохнет—и придёт Весна.

Вышла на крылечко Бабушка Ёшка. Метелиха-Заморозиха воеет, заметает кусты и дорожки. Скачет мимо лесной избушки резвый зайчишка Длинные Ушки.

Бабушка Ёшка кричит ему:

—Стой, Длинноухий! Скачи сюда, что скажу, послушай! Хочешь, чтобы Весна пришла поскорей? Землю-матушку уснувшую отогрей. Прижмись к ней покрепче, отдай ей свою теплоту и нежность—и сразу исчезнет холодная эта снежность.

—Что ты, бабуля, я и так погибаю, до костей промерзаю! Землю греть—не моя забота. Извини, но мне умирать неохота!

Огорчилась Бабушка Ёшка, а Метелиха-Заморозиха и рада.

—Так тебе, старой, и надо! Не лезь, старая, не в свое дело! Я же тебе сказала, чтобы ты в своей куриной избушке сидела. А теперь замету её по самую крышу, ни за что ты её, глупая, не отыщешь!

Увидела Бабушка Ёшка на дереве птицу.

—Милая птица, птица Синица! Надо кому-то на бедную землю

спуститься, нужно отдать ей всю теплоту и нежность—тогда исчезнет холодная эта снежность.

А та ей:

—Я маленькая, а земля—большая. Мне и самой-то своего тепла не хватает. А без него я сразу стану ледышкой. Ишь, чего захотела! Ну, это уж слишком!

Улетела Синица. Бабушка Ёшка вздохнула, к дверям повернула, у порога постояла, какой-то шепот услышала.

—Конечно, я знаю, я вовсе крошка. Но, может быть, есть и во мне теплоты немножко? А нежности, это уж точно—целое море. За счастье других умереть—велико ли горе?

Смотрит Ёшка: большая Снежинка кружится и на землю застывшую тихо с любовью ложится.

—Земля! Проснись! Я таю! Я таю! Росточком зелёньким прорастваяю! Я уже не Снежинка. Я—первый нежный весенний цветок—Подснежник!

Вздохнула Земля, потянулась травинками к небу—все меньше и меньше вокруг холодного снега.

Стала Метелиха-Заморозиха плакать. Не поймёшь, то ли снег, то ли дождь—в общем, слякоть.

Успокаивает её Бабушка Ёшка.

—Лети на Север! Отдохни там немножко! Возвращайся назад к Новому году, тогда будет нужна и морозная, и метельная погода.

Внученька милая! Ранней весенней порою вместе с тобою пойдём мы тропинкой лесною. И на проталинках, там, где растаяла снежность, встретим большую снежинку—цветущий подснежник!

Про крутого Заичка

Солнце с тучей играет в прятки, золотит на берёзе прядки. Сонный ветер прилёг на крыши, шепчет ласково:

—Тише! Тише! Уходи, ребятня, со двора! Спать пора!

Маленькая Таичка, пугливая заичка на лесной опушке провожала братца—заичка Длинные Ушки. Её братишка, весёлый и ловкий, поскакал в деревню на огород за морковкой. Уж так его Таичка, пугливая заичка, умоляла и просила:

—Не ходи в деревню, братец мой милый! Наедемся мы и травкой простой.

А тот в ответ:

—Не бойся, ничего не случится со мной! Я заяц крутой!

Скачет зайчик Длинные Ушки, а из канавы ему лягушки:

—Ква! Ква! Ква! Длинные Ушки, да пуста голова! Собрался в деревню. Ишь, храбрый какой!

А тот в ответ:

—Расквкались! Ничего не случится со мной! Я заяц крутой!

До деревни добрался, в огород к бабке Матрёне забрался. А там кисонька Мурысенька дремала, солнышку спинку свою подставляла. Услыхала шорох, наострила ушки, слушает, глаза открыла—возле грядки зайчишка морковку кушает.

Подскочила киска, шерсть дыбом, хвост трубой.

—Воришка! Кто ты такой?

—Я—зайчик Длинные Ушки, никого не боюсь, я крутой!

Удивилась Мурка, хвост опустила, да вдруг замаякала изо всей силы! Прибежала собак целая стая, вот-вот глупого зайчика растерзают. Лай услышав, вышел на крыльцо дед Матвей, увидел гостя—и в мешок его поскорей.

—Посиди-ка пока в клетке, заячье жаркое—блюдо редкое!

Прилетела на опушку Сорока-болтушка.

—Не жди, заичка Таичка, своего крутого братца. Едва ли сюда он сможет пробраться. Нужно выручать его поскорее, а то появится крутая заячья шапка у деда Матвея!

Бедная Таичка, маленькая заичка, сидит на пригорке и рыдает горько:

—Я не крутая, я заичка совсем простая! Как мне за такое дело браться? Не сумею я выручить своего братца! Дорогие лесные жители! Помогите мне! Помогите мне!

А лесной народ отвечает:

—Пусть зайчик Длинные Ушки сам себя выручает. Ни к чему такая забота нам. Раз крутой—пусть выкручивается сам!

И только скромная птица Галка сказала:

—А мне зайчку Таичку жалко. За что же такая беда с нею? Слетаю в деревню, может, чем-нибудь помочь сумею.

Летала над деревней Галка, летала, ничего не узнала, устала. Присела отдохнуть на заборе, слушает куриные разговоры.

—Ко-ко-кой пушистенский зайчишка, совсем еще мальчишка, да только зазнался слишком. В жизни такое бывает нередко. Вот и сидит

теперь, бедняга, в клетке. Не доживет этот зайчик до ночи—дед Матвей уже ножик точит!

Заметалась Галка по двору, залетела нечаянно в конуру. Пёс Барбос чуть не выдрал ей хвост. Села отдышаться на берёзу, на ветку, думает:

—И где же может быть клетка? Что же я, глупая какая! Да вот же она—возле сарая. Скорее туда!

Да клетка-то заперта, вот беда! К счастью, не на замок, на палку. Стала тащить ее клювом птица Галка. Тащит час, тащит другой. А солнышко уже собирается на покой. Вечер. Дед Матвей вышел во двор, нож положил, взял топор.

Но тут—о, радость!—из дужек выскочила палка. Открыла дверцу повеселевшая Галка.

—Кто тут крутой? Убегай-ка срочно, а то не доживёшь до ночи!

Выскочил зайчик Длинные Ушки—и пулей из деревни на лесную опушку. А за ним следом собачья стая, лает, воет, совсем догоняет. Не разбирая дороги, залетел, бедный, в медвежью берлогу.

Медведь Потапыч лай собачий услышал, из берлоги вышел, зарычал грозно и весьма неприятно:

—Разорву на клочки! Поворачивайте обратно!

Убежали собаки, а зайчик Длинные Ушки долго сидел и медвежьи поучения слушал.

—Крутым может быть только Волк-одиночка, нахальный очень и злобный очень. Зачем ты назвался крутым, не пойму? Неужто завидовать вздумал ему?

...По лесу болтушка Сорока шныряет и новость последнюю сообщает:

—Всем! Всем! Всем! Всем! Встречайте крутого!

—Да я не крутой, а обычный совсем!

Добрался-таки зайчик Длинные Ушки до родной опушки. Дождалась его Таичка, погтивная заичка.

Почему танцуют журавли

Весна смеётся весело, проказница смешливая. А в лужах солнце светится, а в лужах—небо синее. Земля вздыхает радостно, она с зимой прощается. И пахнет воздух сладостно. И птицы возвращаются. И сказка начинается.

Журавлёнок Алёшка, длинные ножки, в небольшом лесочке на болотной кочке стоит-качается, всему удивляется:

—Какое небо синее! А по нему плывут облака, словно пёрышки журавлиные! И ветерок напевает чудесные песни! И вообще, жить на свете так интересно!

Зовёт его мама Журавушка, чуть не плачет:

—Сыночек, гляди, сейчас лягушка у тебя из-под ног ускачет! Красота, конечно, вещь нужная и добрая, но, к сожалению, она несъедобная!

Вздохнёт журавлёнок, примется за охоту, только очень-очень грустно ему отчего-то. Эх ты, журавлёнок Алёшка, длинные ножки!

Лето неслышно страницы листаёт. Наш журавлёнок растёт-подрастает. Он о далёких полётах мечтает. Манят его голубые просторы, жаркие страны, высокие горы. Трудностей он не боится ничуть. Ждёт не дожждётся—скорее бы в путь.

С неба дохнуло осенней прохладой. В путь собираться действительно надо. Старый вожак журавлиную стаю с последней проверкою облетает:

—Все ли у нас журавлята здоровы? Все ли к дороге нелёгкой готовы?

А журавлята довольны и рады:

—Здоровы! Здоровы! Летим, куда надо!

Клин журавлиный на юг улетает, в небе осеннем задумчиво тает. Взрослые птицы прощаются с лесом. Клич журавлиный летит с поднебесья:

—Родная земля! Расстаемся с тобою! Но непременно вернёмся весною!

А журавлёнку Алёшке неясно: зачем так грустить, убиваться напрасно?

Эх ты, журавлёнок Алёшка, длинные ножки!

...Поют над землёю осенние ветры, мелькают под крыльями километры. Моря проплывают. Горбатятся горы. Похоже, что Африка будет нескоро. Устала в пути журавлиная стая, об отдыхе журавлята мечтают. Они повзрослели, они похудели, не все долетели—но всё ж долетели. И наш журавлёнок доволен ужасно.

—Ах, Африка! До чего ж ты прекрасна! Чудесное место! Чудесное место! Не зря же в полёт меня страшно тянуло.

Но мама Журавушка только вздохнула. И дни покатались томительно жарко, томительно пряно, томительно ярко. А ночью—чужое глазастое небо, далёких миров неразгаданный ребус. И всё здесь не так, удивительно просто. Всё хочет понять журавленок-подросток.

—Скажи мне, дяденька Пеликан, зачем у тебя под клювом карман? Ты что ли, когда ныряешь, красивые ракушки в него собираешь?

Всё равно, таких, как у нас в речке, тебе не найти!

—С этим фантазёром можно с ума сойти! Зачем мне ракушки, право, не знаю. В этот карман я рыбку собираю. Однако ты не веришь мне, вижу. Давай, угощу! Подходи поближе.

Угощается Алёшка, рыбка у него во рту так и тает. И все-таки чего-то ему не хватает.

Эх ты, журавлёнок Алёшка, длинные ножки!

По берегу бродит уныло Алёшка:

—Ничего интересного нет на дорожке! А в речке вон камень огромный и серый. Слетать бы туда—другое дело!

Прилетел, вертится на камне, удивляется:

—Вот это да! Какая мутная вокруг вода!

—Ну вот!—вздыхнул Бегемот.—Мало мне своих дел, так еще какой-то мечтатель и фантазёр на мою бедную голову прилетел! Вертится на ней и топочет. Не пойму, чего же он хочет? Слезай сейчас же, а то нырну, в воду за собой утяну. Не нравится ему, видите ли, водица, а мне и такая очень даже годится!

Взлетел журавлёнок и кричит Бегемоту:

—Попробовал бы ты нашу родниковую воду!

Время прошло. Подросли журавлята. В путь собирается стая обратный. Да только не повезло Алёшке—подкралась к птицам огромная кошка. Ринулась в небо испуганно стая, а наш фантазёр стоит и мечтает.

Бросилась хищница на добычу, уже схватила, утащить хотела—да не успела. Выскочил из речки добрый толстяк Бегемот и зарычал:

—Это не дело! Не годится убивать ребёнка. А ну-ка, отпусти журавлёнка! Достойную надо добывать добычу, всех гепардов опозорила ты нынче! Немедленно оставь в покое Алёшку, а не то раздавлю, растопчу в лепёшку!

Убежала пятнистая кошка, и с тех пор отчего-то очень любят птицы большого, некрасивого Бегемота. Где Бегемот—и они непременно рядом, соседству такому хорошему рады!

Встал на ножки журавлёнок Алёшка и поковылял к своей стае немножко. Крылья поранены, идёт еле-еле, ломота ужасная во всём теле. Бедный журавлёнок Алёшка, длинные ножки!

...С утра журавлиная стая в тревоге.

—На север! На север, домой в дорогу!

И старый вожак, не спеша, молчаливо проводит проверку в рядах журавлиных. Остановился, увидев Алёшку: стоит журавлёнок на одной ножке, качается.

—Что же это такое получается? Вся стая давно готова к отлету, а он на растрепанное чучело похож отчего-то.

Сказала мама Журавушка:

—Большая пятнистая кошка его потрепала у речки немножко. Не знаю, сумеет ли он на крыло подняться, наверное, придётся ему в Африке оставаться. Не долетит!

А журавлёнок:

—Я долечу! Я очень на родину вернуться хочу! Там полянки—солнечные блюдца, слаще мёда в родниках водица. Мне бы только, только бы вернуться и о землю милую разбиться!

Торопится к северу клин журавлиный. А путь-то нелёгкий, опасный и длинный. Последним летит журавлёнок Алёшка и отстаёт, отстаёт понемножку. Нет сил больше, в море сейчас упадёт. И все ж через боль продолжает полёт!

—Я знаю, я с силами должен собраться! Я должен до Родины милой добраться! А коль суждено с небесами проститься, о землю родную хочу я разбиться!

Бедный журавлёнок Алёшка, длинные ножки!

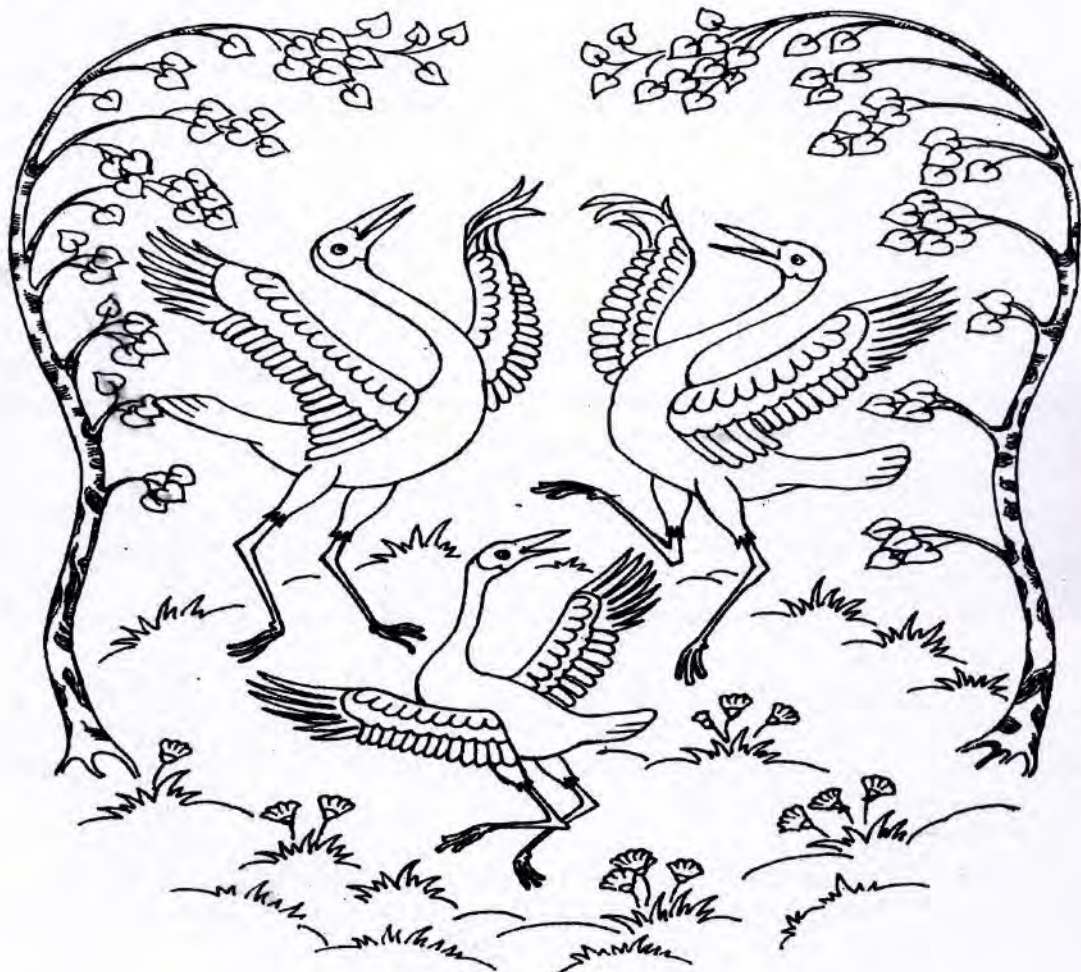
Поют над землёю притихшей весенние ветры. Под крылья ложатся полей и лесов километры. Угрозою дышат моря и горбатые горы. И птицы устали. Но скоро, теперь уже скоро!

И вот забелели берёзовых рощ хороводы, и свежей душистой прохладой наполнился воздух.

Родная земля! Как же встрече с тобою мы рады! Мы все долетели—и большего счастья не надо!

А утром на росной весенней полянке впервые Алёшка участвует в танце.

Танцуют, танцуют чудесные птицы, и каждый всех выше подпрыгнуть стремится, и крыльями машут, и, вытянув шеи, приветствуют Родину песней своею. Их трубные клики всё громче, всё чаще. Танцует Алёшка. Он счастлив! Он счастлив! И звать журавлёнком его не годится—теперь это славная взрослая птица, журавль Алёша, весёлый, хороший.

Грибок (слоёное тесто)
Ульянов Андрей
г. Анжеро-Судженск

Про китишку-горопыжку
Ивлева Даша
Банникова Аня
г. Кемерово

Оглавление

Про шуршиков	6
Грибок	9
Про Галку сплетницу, непрошенную советчицу	10
Про девочку Милу и крокодилов	12
Про Доброту	13
Про Пингвинёнка Пиньку	15
Про Обещалку	17
Про жадного крота Федота	19
Про шалунью Наташку и сбежавшую кашку	21
Про снежного Зайчика	23
Утёнок Кряк	26
Росинка и Росянка	28
Про девчущку Маришку	30
О хлебе насущном	34
Ночная сказка	37
Про Хламище Окаянице	39
Про Удава	43
Про Трусишку	46
Про барсука Еремея, который считал себя всех умнее	48
Откуда у Ёжика колючки	51
Про Подснежник	54
Про крутого Зайчика	56
Почему танцуют журавли	58

ПЕЛИКАН
Литературно-художественный альманах, № 12
(специальный выпуск)

Учредитель: Редакция газеты "Инвалид". Альманах зарегистрирован Западно-Сибирским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ в области печати и СМИ Роскомпечати РФ 5 января 1997 года.

Свидетельство о регистрации № Г-01115

Художник Альбертина Фомченко.

Редактор З. Черновол.
Компьютерный набор и верстка, дизайн Э. Бабаевой.

Адрес редакции: 654000, г.
Новокузнецк, почтамт, а/я 7120
Телефон (факс)—(8 384 3) 45-68-42

Отпечатано в ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат».
Ул. Орджоникидзе, 11. Заказ № 08653

Все печатные материалы охраняются авторским правом.
Перепечатка, размножение фотомеханическим или другим
аналогичным способом и частичное
использование материалов разрешается только с соглашения
издателя.

Тираж 2000 экз.

26p

